

Константин Алексеевич Иванов
Многоликое средневековье (сборник)
Серия «Vita memoriae»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6567310

К.А. Иванов. Многоликое средневековье: Новый Акрополь; Москва; 2014
ISBN 978-5-91896-110-0

Аннотация

«Времена не выбирают...» Средние века представляются нам сейчас «темной эпохой», далекой и непонятной. Но перенесемся воображением на семь столетий назад, пройдемся по шумным улицам и площадям средневекового города, окинем взором окрестные луга и пашни, заглянем под своды древних, величественных замков – и мы увидим, что и в это непростое время под тяжелой дланью инквизиции бурлила жизнь, что за этой завесой скрывается целый пласт культуры, так много давший нам, далеким потомкам.

В книгу входят работы директора Императорской Николаевской Царскосельской гимназии К. А. Иванова – «Средневековый замок и его обитатели», «Средневековый город и его обитатели» и «Средневековая деревня и ее обитатели». Написанные ярко и увлекательно, они могут заинтересовать любого читателя, стремящегося проникнуть в тайну той эпохи.

Содержание

От издательства	5
Средневековый замок и его обитатели	7
Внешний вид замка	8
Посвящение в рыцари	17
Внутренность замка	28
Пир	32
Охота на кабана	41
Рыцарское вооружение	44
Турнир	48
Судебные поединки	53
Среди семьи	57
Осада замка	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

К.А. Иванов Многоликое средневековье

От издательства

Многоликое средневековье... От этой эпохи нас отделяет более пятисот лет, но дело не только во времени. В истории европейской культуры за эти пять веков произошли большие изменения, человечество стало намного более цивилизованным и рациональным. Сегодня принято считать, что мы знаем о мире и о человеке все. Из нашей жизни исчезла тайна, мир стал более простым и обыкновенным. Для школьника двадцатого столетия является азбукой то, над чем бились многие умы в шестнадцатом веке. Человечество стало старше и, как это часто происходит у повзрослевших детей, начало решать другие, более «важные» и «серьезные» задачи. Однако даже у взрослых в душе иногда рождается ностальгия по детской непосредственности, умению искренне радоваться и горевать, удивляться тайнам окружающего мира. Кто из нас хотя бы изредка не мечтал оказаться в средневековье? Кто хоть раз в жизни не поддался магии этого времени? В наших рациональных душах живет ностальгия по давно ушедшим временам, по великим людям и идеям, которых так не хватает в наши дни, ностальгия по Неведомому. За прошедшие столетия изменилось многое и в то же время не изменилось ничего. Иным стал облик земли и людей, но прежними остались человеческие проблемы и мечты, и где-то в глубине души не исчезла тяга к истинной Красоте, Любви, Благородству, Отваге...

Мы смотрим на средневековье со стороны и немного свысока. Однако если бы мы попытались не только судить, но по-настоящему понять дух тех времен, то стороннего наблюдения было бы недостаточно. Для этого необходимо слиться с прошлым, пожить в нем, стать хотя бы на мгновение одним из его современников. Пока мы смотрим со стороны, как зрители в театре, средневековье кажется похожим на театральное представление. Вот одна из фигур на мгновение приоткрывает занавес, и перед нашими глазами предстают величественные соборы, устремленные в небо, благородные дела и великие жертвы, совершаемые Рыцарями и Даминами во славу Господа. Но вот открывается другая сцена – и горят костры инквизиции, на которых сжигают сотни невинных, а соседи наперегонки спешат обвинить друг друга в ереси перед «святой матерью-церковью», чтобы заполучить часть имущества и денег казненного. Новая сцена – и слышна изящная музыка и песни менестрелей, прекрасные баллады, повествующие о великих подвигах и вечной любви. А другая сцена показывает пьяное застолье в замке какого-нибудь мелкопоместного барона, где в пиршественной зале лежат вповалку пьяные вояки и в поисках объедков бродят псы. Еще одна сцена – средневековые мудрецы, алхимики и мистики пытаются проникнуть в тайны природы и открыть новые, неизвестные доселе законы. А с очередной сценой открываются темнота, невежество и жестокость, царящие в душах простых людей... Так много ликов у одного времени. Это многообразие противоречий может показаться парадоксом, но только до тех пор, пока мы не пойдем единую внутреннюю суть, скрытую за всеми этими масками.

История проходит свои циклы, и, хотя внешние формы постоянно меняются, в мир с определенной периодичностью возвращаются одни и те же Принципы, перед человечеством ставятся одни и те же задачи. То, что было актуально для средних веков, может перестать быть таковым в эпоху Просвещения и опять обрести значимость в конце XX века. В тот период средневековья, о котором в основном пойдет речь в этой книге (XII—XIII века), Европа переживала перелом, в прошлое уходили выработанные веками привычные общественные формы, старая культура, религия, наука и искусство, и на смену им приходили новые, в то время еще неизвестные. Современный мир переживает подобный переломный момент, уже видны знамения новой науки, нового искусства, новой философии, но будущее пока скрыто в тумане.

Античная философия учит, что в жизни любого народа и государства чередуются этапы спокойного развития и сложные, переломные этапы гибели старых форм и рождения новых, когда людям трудно ориентироваться в окружающем хаосе. Именно в такие моменты перед людьми остро встает вопрос смысла жизни и исторического предназначения. В древности мудрецы говорили, что если мы хотим понять задачи своего времени, то должны сначала научиться понимать смысл Истории. По их представлениям история не является чередой случайных событий, но имеет свою логику развития, свою эволюцию. Государства и народы не существуют независимо, отдельно друг от друга, исторические эпохи – лишь ступени великой лестницы Эволюции человечества. Одна ступень – Древняя Греция, потом – Римская империя, средневековая Европа, современность... и так от теряющихся в прошлом времен до бесконечно далекого будущего. Каждая ступень имеет свои задачи, каждая несет в себе следствия предыдущей и причины последующей. Чтобы понять эту очевидную для древних идею, нам необходимо научиться не просто собирать факты о прошлом, но понимать их.

Возможно, эта книга позволит немного глубже почувствовать, чем жили средневековые люди, ведь она не излагает хронику великих исторических событий, но раскрывает саму жизнь, то, что мы обычно называем скучным словом «быт». Когда читаешь ее, создается впечатление, будто попадаешь в средневековый мир, ходишь по улицам городов, гостишь в замке или являешься свидетелем его осады, заходишь в крестьянские дома, участвуешь в рыцарском турнире и проживаешь еще много разнообразных событий, как бы живешь вместе с персонажами.

Автор этой книги – директор Царскосельской гимназии К. А. Иванов, историк, поэт, человек, прекрасно разбирающийся в проблемах обучения и воспитания юношества, – посвятил свой труд молодым людям и всем, кто интересуется историей средневековья и обладает долей романтики и воображения. Наше «Многоликое средневековье» состоит из трех его книг, неоднократно переиздававшихся в начале XX века: «Средневековый замок и его обитатели», «Средневековый город и его обитатели» и «Средневековая деревня и ее обитатели», и вместе с автором мы приглашаем вас в путешествие по загадочному средневековью.

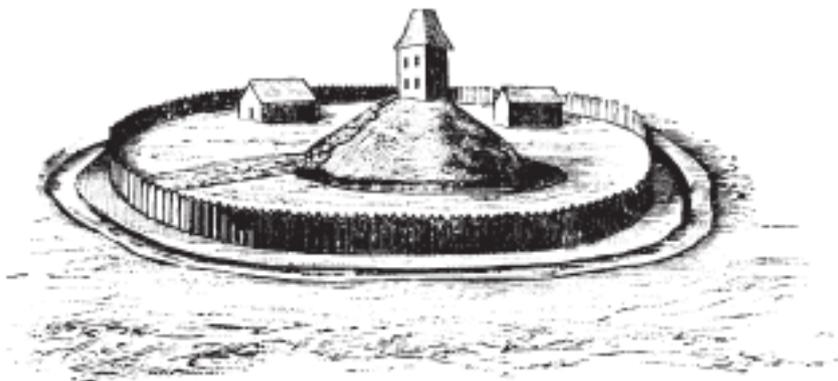
Средневековый замок и его обитатели

Внешний вид замка

Средневековый замок, при одном упоминании о котором у всякого образованного человека создается в воображении знакомая картина, и всякий переносится мыслью в эпоху турниров и крестовых походов, имеет свою собственную историю. Замок со своими известными принадлежностями – подъемными мостами, башнями и зубчатыми стенами – создан не сразу. Ученые исследователи, посвящавшие свой труд вопросу о происхождении и развитии замковых сооружений, отметили несколько моментов в этой истории, из которых наибольший интерес представляет момент наиболее ранний: до такой степени первоначальные замки не похожи на замки последующего времени. Но при всем несходстве, существующем между ними, нетрудно найти и черты сходные, нетрудно в первоначальном замке увидеть намеки на позднейшие сооружения. Возможность отыскать эти первоначальные формы и сообщает вопрос тот интерес, о котором мы только что говорили.

Опустошительные набеги неприятелей побуждали к построению таких укреплений, которые могли бы служить надежными убежищами. Первые замки представляли собой земляные окопы более или менее обширных размеров, окруженные рвом и увенчанные деревянным палисадом. В таком виде они походили на римские лагеря, и это сходство, конечно, не было простой случайностью; несомненно, что эти первые укрепления устраивались по образцу римских лагерей. Как в центре последнего возвышалась палатка полководца, или преторий (*praetorium*), так и посреди пространства, замыкавшегося замковым валом, поднималось естественное или, по большей части, искусственное земляное возвышение конической формы (*la motte*). Обыкновенно на этой насыпи воздвигалось деревянное строение, входная дверь которого находилась наверху насыпи. Внутри самой насыпи устраивался ход в подземелье с колодезем. Таким образом, попасть в это деревянное строение можно было только взобравшись на самую насыпь. Для удобства обитателей устраивалось что-то вроде деревянного помоста, спуска на подпорках; в случае нужды он легко разбирался, благодаря чему неприятель, желавший проникнуть в само жилище, встречал серьезное препятствие. После минования опасности разобранные части так же легко приводились в прежнее состояние. Если мы, не вдаваясь в эти подробности, представим себе только ту общую картину, которая, как мы выше говорили, возникает в воображении каждого образованного человека при одном упоминании о замке, если мы эту общую картину сопоставим с только что описанным первоначальным замком, при всем несходстве того и другого мы без особенного труда отыщем и общие черты. Существенные части средневекового рыцарского замка здесь налицо, в этом неприхотливом сооружении: дом на земляной насыпи соответствует главной замковой башне, разборный спуск – подъемному мосту, вал с палисадом – зубчатой стене позднейшего замка.

С течением времени все новые и новые опасности со стороны внешних врагов, разорительные норманнские набеги, а также новые условия жизни, вызванные развитием феодализма, способствовали как увеличению числа замковых сооружений, так и усложнению их форм. Оставляя в стороне историю постепенного видоизменения, мы обратимся теперь к непосредственному знакомству с тем видом сооружений, который установился в XII веке.

* * *

Прежде чем вдаваться в подробное рассмотрение частей средневекового замка, перенесемся воображением на семь столетий назад, посмотрим на тогдашний замок издали, с опушки близлежащего леса. Только после этого мы подойдем к самому замку и познакомимся с его составными частями. «Почти каждый холм, – говорит Грановский, бегло характеризуя средние века, – каждая крутая возвышенность увенчана крепким замком, при постройке которого, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы называем теперь комфортом, а безопасность была главной целью. Воинственный характер общества резко отразился на этих зданиях, которые вместе с железным доспехом составляли необходимое условие феодального существования.»¹ Средневековый замок производил (и до сих пор производит) внушительное впечатление. За широким рвом, над которым только что опустили на цепях подъемный мост, поднимается массивная каменная стена. Наверху этой стены резко выделяются на голубом фоне неба широкие зубцы с еле заметными отверстиями в них, а время от времени их правильный ряд прерывается круглыми каменными башнями. На углах стены выступают вперед крытые каменные балконы. По временам в промежутке между двумя зубцами заблестит на солнце шлем проходящего по стенам оруженосца. А над стеной, зубцами, стенными башнями гордо поднимается главная замковая башня; на вершине ее трепещет флаг, да мелькает порой человеческая фигура, фигура недремлющего сторожа, обзирающего окрестность.

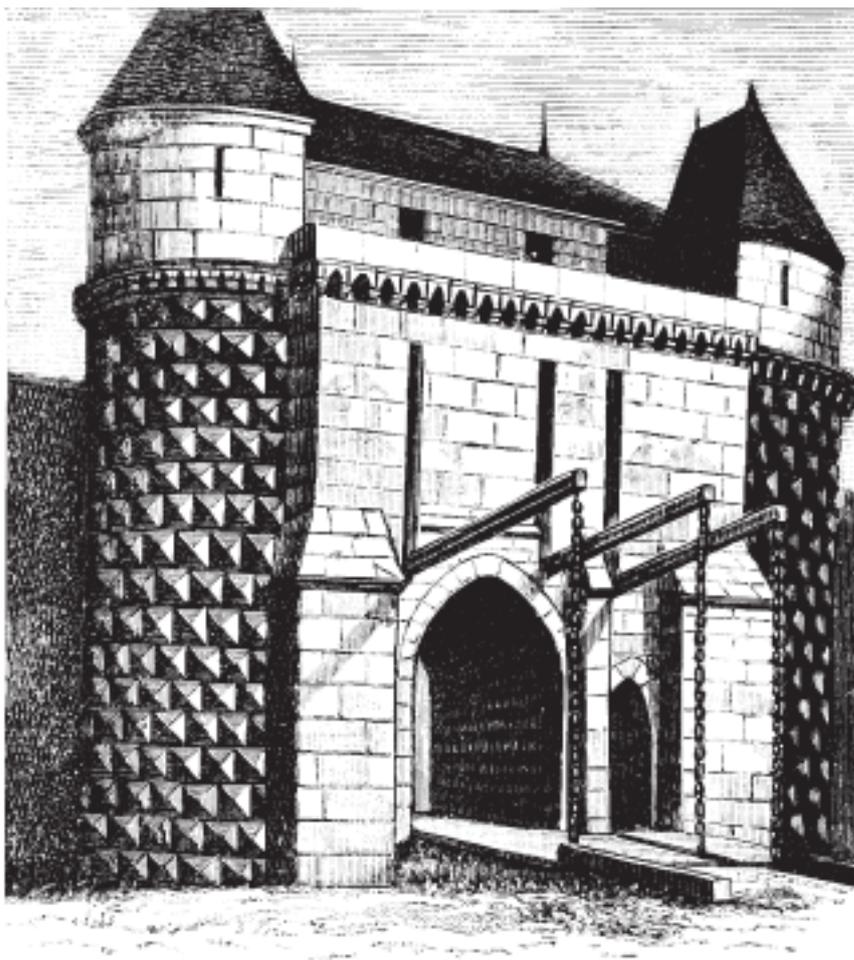

Ститский замок. XIII в.

---

¹ Характерные изображения замков помещены в настоящей книге в очерке «Именем фазана».

Но вот оттуда, с вершины башни, понеслись звуки рога... О чем возвещает сторож? Из-под темного свода замковых ворот на подъемный мост, а потом на дорогу, выехала пестрая кавалькада: обитатели замка поехали на прогулку по окрестностям; вот они уже далеко. Воспользуемся тем, что мост еще опущен, и проникнем за каменную ограду замка. Прежде всего внимание наше останавливается на устройстве моста и на самих воротах. Они помещаются между двумя башнями, неразрывно соединенными со стеной. Тут только мы замечаем, что рядом с большими воротами устроены маленькие, представляющие собой что-то вроде калитки; от них также переброшен через ров подъемный мост (*pont leveis* или *pont torneis*, *zoge brucke*). Подъемные мосты опускались и поднимались при посредстве цепей или канатов. Делалось это следующим образом. Над воротами в стене, соединяющей обе недавно названные башни, были проделаны продолговатые отверстия; они направлялись сверху вниз. В каждое из них продевалось по одной балке. С внутренней стороны, то есть с замкового двора, эти балки соединялись поперечной перекладиной, и здесь же от конца одной из балок спускалась железная цепь. К противоположным концам балок, выходящим наружу, прикреплялись две цепи (по одной к каждой балке), а нижние концы этих цепей соединялись с углами моста. При таком устройстве стоит только, войдя в ворота, потянуть вниз спускающуюся там цепь, как наружные концы балок начнут подниматься и потянут за собой мост, который после поднятия превратится как бы в перегородку, заслоняющую ворота.

Ворота с внешней стороны.

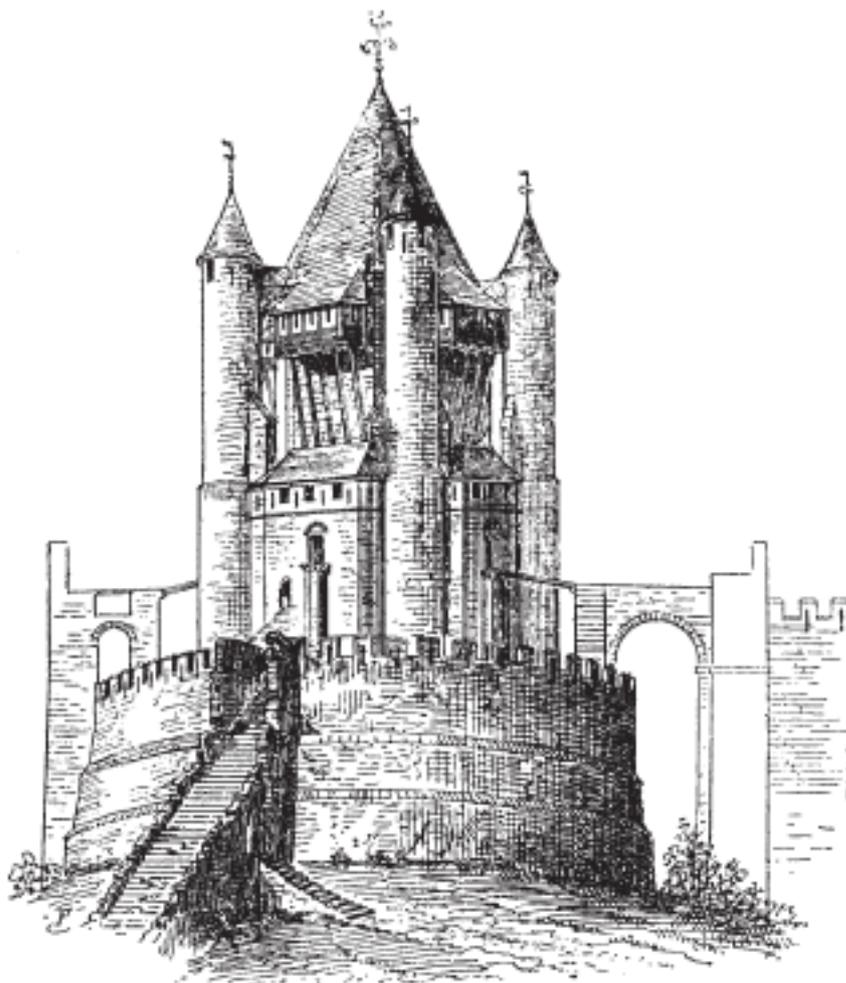

Ворота с внутренней стороны.

Но, конечно, мост не был единственной защитой ворот. Последние запирались, и притом весьма основательно. Если бы мы подошли к ним в такое неудобное время, нам пришлось бы оповестить о своем приходе привратника, помещающегося здесь же неподалеку. Для этого пришлось бы или протрубить в рог, или ударить колотушкой в металлическую доску, или постучать особым кольцом, с этой целью приделанным к воротам. Теперь, как мы уже знаем, нам нет надобности оповещать о себе: проход свободен. Мы проходим под длинными сводами ворот. Если бы живущие в замке случайно заметили наше появление и почему-либо не пожелали пропустить нас во двор, в их распоряжении находилось еще одно средство. Взгляните наверх, на этот каменный свод. Не замечаете ли вы чего-нибудь, кроме длинных балок, составляющих одно целое с подъемными мостами? Видите ли это сравнительно неширокое отверстие, проходящее поперек свода? Из этого отверстия в один момент может опуститься железная решетка (*porte colante*, *Slegetor*) и преградить нам доступ во двор. Сколько предосторожностей на случай нападения врага! Иногда, если позволяло место, вблизи ворот, с внешней стороны, воздвигалось еще особое кругообразное укрепление, передовая крепостца (*barbacane*) с отверстиями для пускания стрел в неприятеля.

Но мы беспрепятственно проходим под сводами ворот и вступаем в передний двор. Да это целое селение! Здесь и капелла, и бассейн с водой, и жилища простого народа, обитающего в замке, и кузница, и даже мельница. Нас не заметили, и мы проходим вперед. Перед нами – новый ров, новая внутренняя стена, новые ворота с такими же приспособлениями, какие мы видели у первых, наружных ворот. Нам удалось пройти новые ворота, и мы – на другом дворе; тут – конюшни, погреба, кухня, вообще всякие службы, а также жилище владельца и ядро всего сооружения – главная замковая башня (*донжон*, *Bercfrit*). Остановим свое внимание на этой башне. Она слишком важный предмет, чтобы можно было пройти мимо нее. Это последний оплот для живущих в замке. Много преград предстояло

одолеть неприятелю, прежде чем он мог бы добраться до этого пункта. В случае проникновения врага во внутренний двор население замка укрывалось в центральной башне и могло еще выдерживать продолжительную осаду в ожидании каких-либо благоприятных обстоятельств, которые могли бы выручить осажденных из беды. Большой частью главная башня воздвигалась совершенно в стороне от других построек. При этом старались выстроить ее на таком месте, где находился родник: не имея воды, осажденные не могли бы, конечно, долго противостоять врагу. Если не было родника, то устраивалась цистерна. Стена центральной башни отличалась своей толщиной. Формы башен бывали различными: четырехугольные, многоугольные, круглые; последние преобладали (с конца XII века), так как лучше могли сопротивляться разрушительной силе неприятельских стенобитных машин. Ход в центральную башню устраивался футов на 20—40 над ее основанием. В башню можно было проникнуть только посредством такой лестницы, которую легко было убрать в самый короткий срок или даже и совсем уничтожить. Иногда от соседних зданий перебрасывались к башне подъемные мосты. Подвальный этаж центральной башни, то есть все пространство от ее основания до входной двери наверху, был занят или темницей, или кладовой для хранения хозяйских сокровищ. И та, и другая были снабжены скудными отверстиями, которые служили для притока воздуха. В башне же помещались в древнейшую пору владельцы замка, устраивались комнаты для детей, гостей, больных. В более скромных замках, где не было особенного здания для жилья, в первом этаже башни помещалась главная зала, во втором – спальня хозяев, в третьем – горницы для детей и гостей. В самом верхнем этаже жил башенный сторож. Сторожить на башне – это была самая тяжелая из повинностей: сторожу приходилось испытывать холод, непогоду, необходимо было с постоянным вниманием следить со своего высокого поста за всем происходящим как в замке, так и в окрестностях его. Сторож трубит в рог при восходе и закате солнца, при отправлении на охоту и возвращении с нее, при приезде гостей, при появлении врага и т. п. По соседству с каменной сторожкой (*l'eschaugaite, la gaite*) на высоком древке развевается флаг замковладельца. На верхушке башни происходила временами ужасная сцена: здесь вешали преступников. Крепкий оплот представляла собой центральная башня, но представьте себе такой случай, что и она, наконец, захватывалась неприятелем. Что тогда было делать? На этот-то случай глубоко под центральной башней устраивался подземный ход. Этим ходом можно было пробраться в какое-либо безопасное место, например, в соседний лес.

Донжон.

Но мы так увлеклись созерцанием центральной башни, что не обратили вовсе внимания на прелестный фруктовый садик и цветник вместе с ним, раскинувшийся недалеко от грозной и мрачной башни. С особенным удовольствием отдыхает глаз, утомленный рассматриванием каменных укреплений, на розах и лилиях, на зелени лекарственных трав, на плодовых деревьях, на гибкой виноградной лозе. Такие садики были, безусловно, необходимы для обитателей замка, принужденных, как вы увидите ниже, жить в помещениях неуютных и сумрачных. Вот почему они и разводились везде. За недостатком места внутри замковых стен такие садики, особенно во Франции, разбивались за стенами.

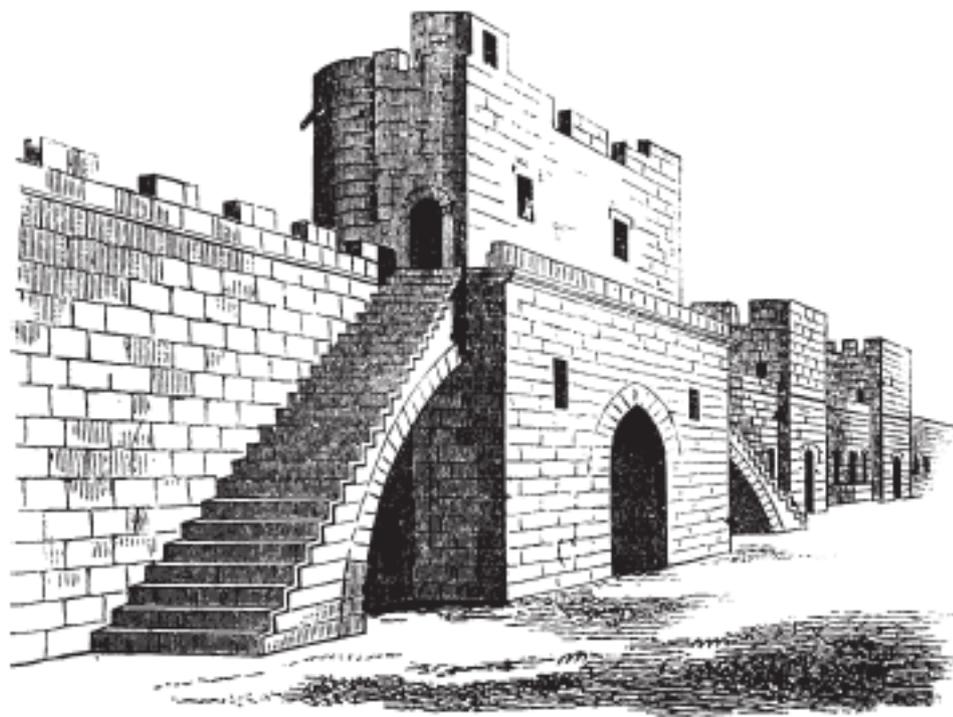
В нашем замке центральная башня необитаема в мирное время: только опасность со стороны неприятеля заставит перекочевать туда барона и его семью. В мирное же время обладатели нашего замка живут в особом строении. Подойдем к нему. Это строение называется дворцом или палатой (*le palais, der Palas*). Перед нами – каменный двухэтажный дом. На первый этаж, поднимающийся довольно высоко над двором, ведет вдоль стены широкая каменная лестница с каменными же перилами. Недалеко от нее на дворе установлен камень, чтобы всадникам было легче как влезать на коня, так и слезать с него. Лестница оканчивается у большой двери первого этажа обширной площадкой (*le Perron*). Такие площадки были особенно любимы во Франции. Первый этаж занят огромной парадной залой (*la sale, la maistre sale*), второй – жилыми помещениями.

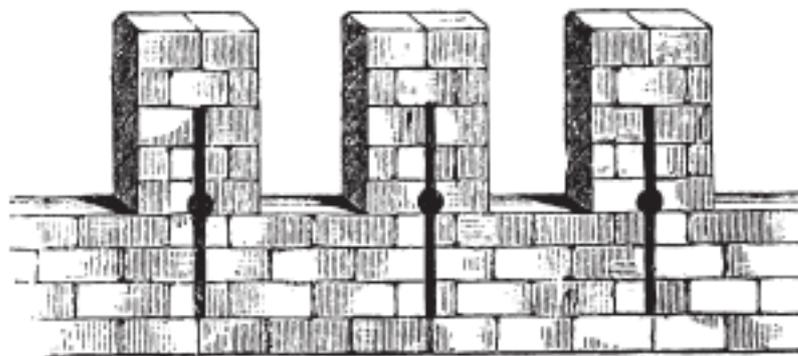
Внутренний двор в замке.

Чтобы закончить обзор внешнего вида средневекового замка, познакомимся еще с устройством внешней замковой стены. Это устройство более сложно, чем кажется со стороны, и ближайшее знакомство с ним весьма интересно. Вы, конечно, не упустили из виду, что мы находимся внутри замка. Вернемся на передний двор. Поднимемся по этой лестнице: она ведет на стены. Мы взобрались и прежде всего проходим по коридору помещения, расположенного над воротами. Вот мы вышли из него на свежий воздух и подвигаемся по замковой стене: это обычный путь (*les aleoïrs*) караульного дозора. Справа от нас – передний двор замка, слева поднимается укрепление, заимствованное у римлян: довольно высокая стена (несколько ниже человеческого роста), а на ней, как на фундаменте, – зубцы (*les merlons*), отстоящие друг от друга на равные, ничем не занятые промежутки (*les ceneaux*); зубцы прорезаны продолговатыми вертикальными отверстиями (*les archeres*), предназначенными для пускания стрел. Мы уже имели случай заметить, что строители средневековых замков старались изобрести возможно больше препятствий на случай вражеского нападения. Перед нами новый вид препятствия, внезапный обрыв стены. В этом месте она круто понижается,

а далее так же круто поднимается до прежнего уровня. Это существенная преграда для взбравшегося на стены врага, но не для нас. Бодро мы подвигаемся вперед по деревянному мосту, перекинутому через обрыв. В случае надобности такие деревянные мосты, неоднократно преграждающие каменную дорогу, могут быть разобраны в несколько минут. Но вот новая преграда: на этот раз загородила дорогу стенная башня. Железная дверь, которая ведет внутрь, заперта на замок. Теперь и мы не можем продолжать свою дорогу. Но имейте в виду, что для замковых обитателей эта железная дверь всегда открыта. Там, с другой стороны – другая железная дверь, а за ней путь, ничем не отличающийся от пройденного нами. Прежде чем сойти вниз, взгляните хорошенько на башню, так неожиданно преградившую нам дорогу. Сторона ее, обращенная к замку, плоска, а к полю полукругла; на ее верхушке зубцы. Но вернемся обратно: дозорный путь, лестница, передний замковый двор, тяжелые ворота (копия с ворот римских городов), подъемный мост – и мы на свободе! Небо голубое, солнце светит ярко, высоко поднимаются звонкоголосые жаворонки! Туда, туда, под живые своды благодатного леса! Отдохнем от нашей утомительной прогулки.

Замковая стена.

Зубцы замковой стены.

Майское утро сияло всей свежей своей красотой;
На поле каждая травка сверкала алмазной росой;
Ветер, припавши к деревьям, шептался с листьями,
Пчелы жужжали, кружась над цветами.²

---

² Стихи Мея из поэмы «Альфус».

Посвящение в рыцари

Кончился жаркий июльский день; солнце скрылось за горизонтом. С вершины центральной замковой башни понеслись звуки рога: к покою призывали эти звуки, к прекращению трудов. Но в нашем замке сегодня большое движение; в кухне, занимающей особое строение, стряпня во всем разгаре. Вот поднялась решетка входных ворот, опустился подъемный мост, гремя своими цепями, и из-под ворот замка выезжает целое общество. Сопровождаемый отцом, братьями и родственниками, выезжает на дорогу старший сын владельца нашего замка. Незадолго до того он принял теплую ванну, облекся в чистые одежды и теперь едет в соседнюю церковь, где проведет всю ночь, где утром совершится посвящение его в рыцари. Ему 18 лет; он полон здоровья и силы; ему хочется подвигов, славы. Наконец-то наступает торжественный день, которого он так пламенно ожидал. Смеркается; повеяло прохладой; шумят листья придорожных деревьев; кое-где зажглись еще бледные звезды. Наши всадники оживленно беседуют. Старый рыцарь вспоминает свое посвящение. Совершилось оно не так, как совершится завтра посвящение молодого человека. Он был далеко от семьи; не радовали его хлопоты родных, не приготовляли ему заботливые руки нежной матери чистых одежд накануне великого дня в его жизни, все, все было иначе. С семилетнего возраста он поселился в чужой семье в качестве *нажа*, или *валета*. В этом звании он проходил в замке богатого землевладельца практическую школу так называемой *куртуазии*, то есть учился вежливости и вообще светскому обращению. Пятнадцати лет он получил из рук священника благословенный меч, причем его согласно обычаю подвели к престолу отец и мать с зажженными свечами в руках. Так он сделался *оруженосцем* и долго нес эту тяжелую службу. Его родители в ту пору умерли, он остался круглым сиротой, и некому было ему помочь. Он стремился к свободе, к подвигам; между тем его жизнь долгое время протекала однообразно. Правда, он был не один; у его барона было несколько таких оруженосцев, как он, и это хоть отчасти скрашивало его жизнь. Спозаранку поднимался он с постели и тотчас принимался за работу. Его день начинался в конюшне, и раннее солнце заставляло его за чисткой хозяйского коня и оружия. Поздней ночью он обходил с товарищами замковые стены. Весь день наполнялся хозяйственными заботами. Частые гости, необходимость служить им, ухаживать за их конями – все это, конечно, не давало времени скучать. Но зато в свободное время, в час отдыха, успокаивалось только тело, между тем как душа работала с большим напряжением. Грусть, думы, мечты не давали ей покоя. Наконец пробил желанный час. Однажды ранней весной, в пору именно такого телесного покоя и умственной работы, стоя на замковой стене и рассеянно глядя оттуда на широко развернувшуюся окрестность, он был внезапно пробужден звуками рога у подъемного моста. В ответ им понеслись такие же звуки с высокой замковой башни. Что такое? Гонец на взмыленной лошади. Скорей, скорей! Зазвенели цепи, опустился мост... Гонец от сюзерена с письмом. Что это? Призывное письмо (*le bref*) на войну с неверными. Боже, сколько суматохи было! Пришлось поработать. Через неделю все было готово. Барон призвал к себе своего капеллана для составления духовного завещания. Путь далекий: неизвестно, что может случиться; следует быть готовым на все. Кто не знает, что возвращаются оттуда немногие? Кому горе и слезы, а наш оруженосец, как молодой орел, рад, что может, наконец, свободно взмахнуть крыльями и улететь туда, в чужие страны, за синее море, в Святую землю. Прозвучал прощальный поцелуй, пролились последние прощальные слезы, поехали крестоносцы. Много нового, невиданного прежде пришлось повидать. По дороге вынесли страшную бурю, чуть не погибли в море. А после... голые скалы, раскаленный песок, невыносимый зной, мучительная жажда... Пути неведомы, враг словно из земли вырастает. А вот начались и настоящие битвы. В память рассказчика особенно врезался один день, день его славы, осуществления его мечты. Три

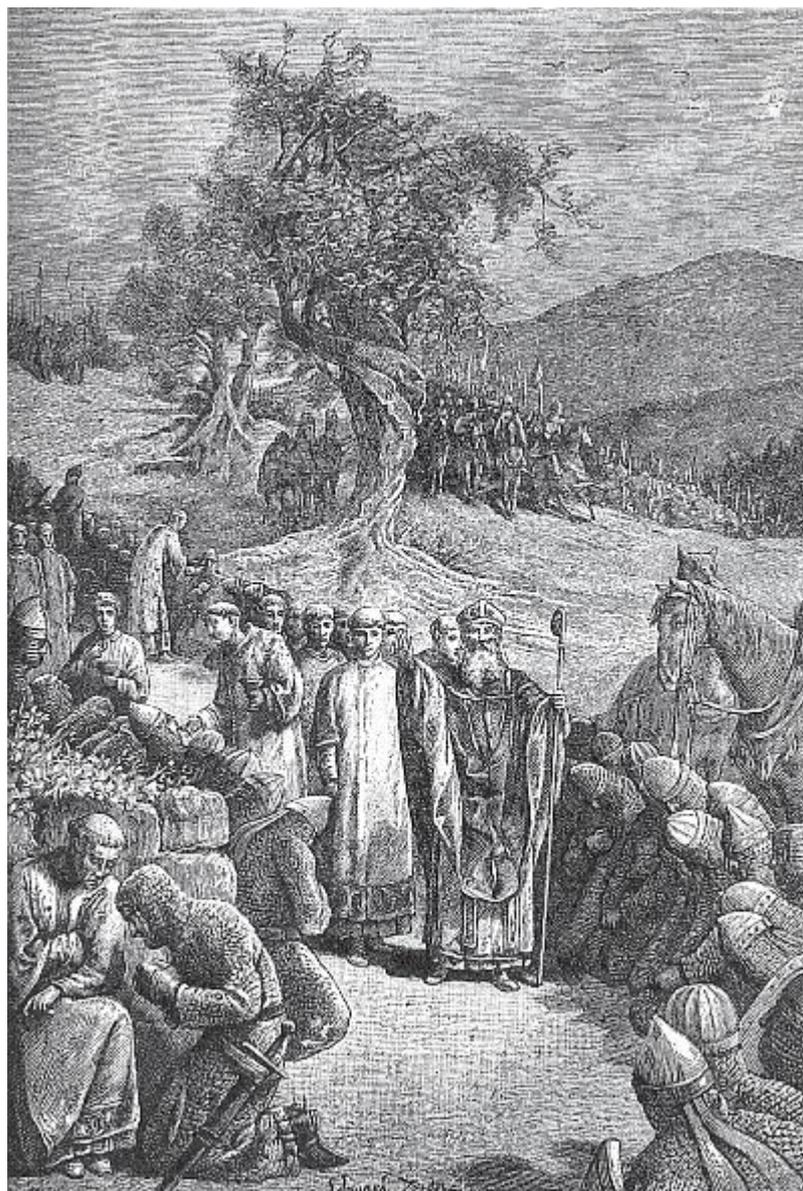
дня перед ним рыцари и оруженосцы держали пост и ходили молиться в лагерную церковку. Утро памятного дня было прохладное, солнце светило сквозь облака. Необозримыми рядами расположилось Христово воинство; каждый с верою ожидал общего причащения. Вот показались священники с епископом во главе. Они проходили и приобщали склонявшихся на колени воинов. Сколько обетов произносилось в эти минуты, сколько горячих молитв! Взаимные объятия, поцелуи мира, казалось, навсегда должны были прекратить вражду среди крестоносцев. После проповеди, произнесенной одним из священников, загремели трубы и рога, раздался призыв к битве. Все смешалось в хаотическую массу. Пыль поднялась столбом. Крики, стоны, ругательства, звон оружия, ржание коней наполняли воздух. Оруженосцам приходилось всюду следовать за своими рыцарями, подавать им оружие, уводить и уносить тяжело раненных и в то же время отбиваться от нападений врага, сражаться. На долю рассказчика выпало редкое счастье отбить из рук неприятеля захваченное им христианское знамя. Редкое счастье, редкий подвиг! С закатом солнца битва прекратилась; христиане одержали решительную победу, враги бежали. Тут же на самом поле битвы среди груды убитых и тяжело раненных сам король посвятил отличившегося оруженосца в рыцари: посвящаемый склонил перед ним колени, а *король* вручил ему меч и согласно обычаю слегка прикоснулся своей рукой к его щеке и своим мечом к его плечу. Во время рассказа старого рыцаря из леса поднялась полная луна; тени всадников и их коней, перерезав дорогу, пали на траву. До церкви оставалось еще полпути, и дядя готовящегося к посвящению молодого человека успел рассказать интересный случай, свидетелем которого ему довелось быть много лет тому назад. Он видел не посвящение в рыцари, а торжественное лишение рыцарского сана. И вот как это происходило. Рыцаря уличили в каком-то обмане. Преступный рыцарь был разоружен и в длинной рубахе возведен на подмости, вокруг которых собралась необозримая толпа зрителей. Преступный рыцарь должен был смотреть на то, как разламывалось на куски его оружие, а обломки бросались к его ногам. Рыцарские шпоры были сорваны, герб, изображенный на его щите, стерли, а щит привязали к хвосту рабочей лошади. Три раза громко спрашивал герольд, указывая на виновного: «Кто это такой?» Три раза ему отвечали, что это рыцарь, и три раза он громко возражал: «Нет, это не он! Это не рыцарь, это – негодяй, изменивший своему слову, клятве верности». Священник громко читал 108 псалом, в котором особенно страшно звучали для окружающих проклятия, направленные против нечестивца: «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. Да будут его дети сиротами, и жена его вдовою... Да не будет сострадающего ему; да не будет милующего сирот его... Да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно, как вода, во внутренности его и, как елей, в кости его». Потом разжалованного рыцаря положили на носилки и, как мертвеца, как умершего для рыцарства, понесли в церковь. Толпа повалила вслед за ним. В церкви провинившийся должен был выслушать зауспокойные молитвы. Усопшим считался он сам, так как он умер для чести. Слушая рассказ, наши всадники невольно ужаснулись; холодный пот выступал на лбу у каждого из них. Картина позора и отпевания заживо ярко предстала пред ними. И не в первый раз отец вновь посвящаемого указал сыну на необходимость строго подчиняться всем законам рыцарства: веровать всему, чему учит Святая церковь, и соблюдать ее повеления; защищать ее; защищать всякого слабого, не бежать от врага, но смерть предпочитать бегству; быть верным своему сеньору; гнушаться лжи; быть щедрым; повсюду и всегда бороться за правду и добро против неправды и зла.

Служение паж.

Изображение паж (со средневековой миниатюры).

Общее причащение.

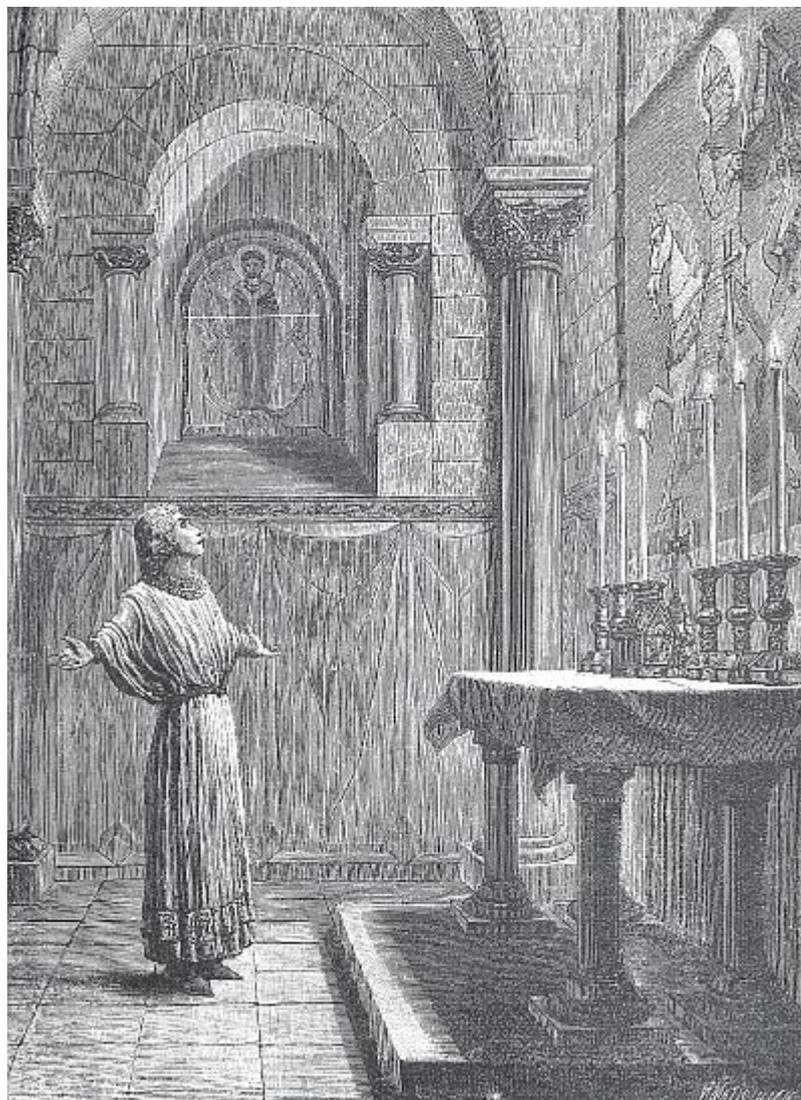
Посвящение в рыцари на поле битвы (со средневековой миниатюры).

И в это самое время из-за деревьев взглянул на них храм Божий, ярко освещенный луной.

* * *

Застучал засов у церковных дверей, послышался топот отъезжающих домой провожаемых, и наконец все смолкло. Таинственна внутренность храма, мрак наполняет ее. Только через одно из окон проник в эту темноту серебряный луч месяца. Да на одном из алтарей зажжены свечи перед изображением св. Георгия Победоносца. Здесь, перед этим алтарем, проведет всю ночь сын нашего барона в молитве, в размышлении о том высоком сане, который ожидает его, о тех обязанностях, которые наложит на него этот высокий сан. Об этих обязанностях нередко приходилось слышать ему, особенно в последнее время. Кругом царит тишина. Гулко отдаются в пустом храме шаги молодого человека; он слышит биение своего сердца, свое дыхание; он чувствует, как приливает кровь к его вискам. То он шепчет молитвы, и собственный шепот сначала смущает его; то он представляет себе свой замок, свою семью. Как ярко восстают образы пред ним! Он видит лица родных, слышит их речи... О чем они? Об обязанностях того сана, который ожидает его. Церковь, говорили ему, – то же, что голова в человеческом теле, горожане и крестьяне – желудок и ноги, а рыцарство уподобляется рукам. Руки расположены как раз посреди человеческого тела, между головой и низшими членами, чтобы защищать и то, и другое. Итак, веруй всему, чему учит Святая церковь, исполняй ее повеления: защищай ее, но вместе с тем уважай все слабое, будь защитником его, защитником вдов, сирот, всякого немощного. Защищай женщину; слабая, безоружная, она часто притесняется беззаконным, грубым соседом; часто на ее счет пускается гнусными людьми самая низкая клевета. Крепко держись данного тобой слова, не лги. Чего бы ты ни пережил, отлучившись в дальние страны, вернувшись домой, расскажи о всем чистосердечно, ничего не утаивай. О славном подвиге поведай: он воодушевит других,

послужит добрым примером; о неудаче не умалчивай: рассказ о ней может послужить хорошим уроком для других, а вместе с тем утешит того, кто и сам потерпел когда-либо неудачу. Будь щедр, будь благороден в обхождении: щедрость и благородство – два крыла, поддерживающие рыцарскую удаль... Но вот снова приходит на память молитва, образы бледнеют и расплываются в сумраке храма, речи их удаляются и, наконец, замолкают; юноша простирает руки к святому изображению, озаренному свечами, и весь отдается горячей молитве. Его рыцарский меч, которым завтра торжественно опояшут его, лежит на алтаре.

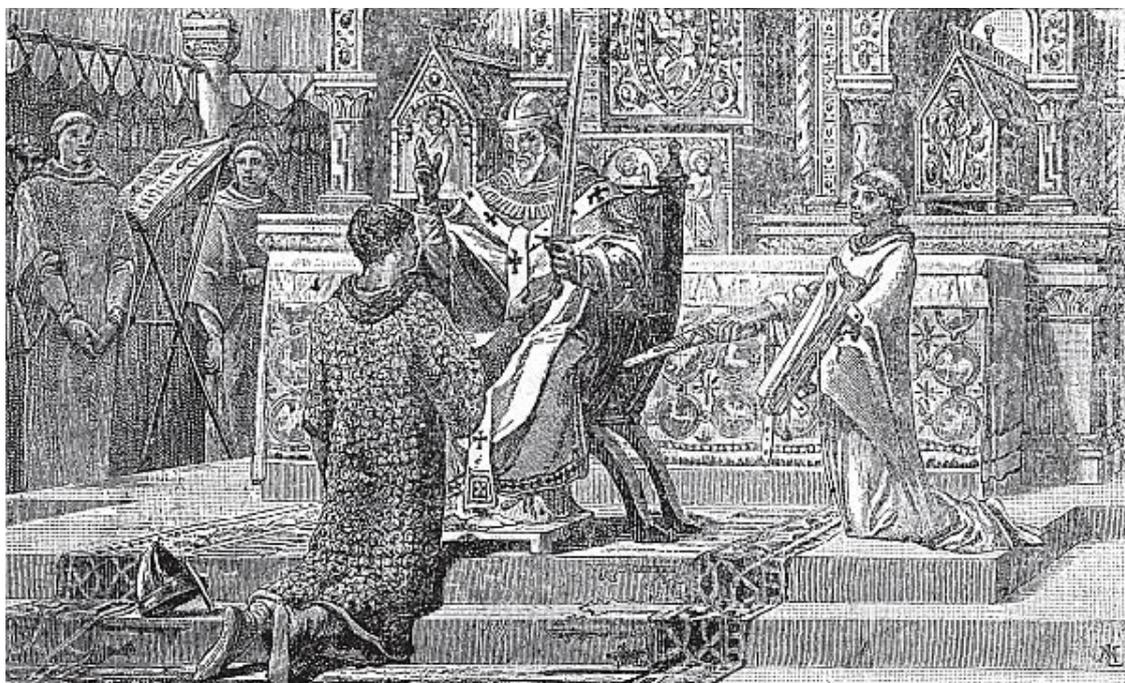

Ночь в церкви.

Этот благочестивый и поэтический обычай проводить целую ночь, предшествовавшую посвящению в рыцарство, под сводами храма развился и господствовал во Франции. Он назывался *la veille* (или *la veille`e*) *des armes* и с древнейших времен имел место при судебных поединках, при единоборстве обидчика с обиженным. Так, в одной латинской хронике, оканчивающейся на 1029 году, рассказывается о подобном поединке. При этом сообщается, что одержавший в нем победу немедленно отправился пешком поблагодарить Бога у гробницы одного святого, именно в тот самый храм, в котором он провел всю ночь, предшествовавшую поединку. Потом обычай этот приурочился к обряду посвящения в рыцари. Французский обычай проник с течением времени и в другие страны, но первоначальный обряд посвящения в рыцарский сан за пределами Франции отличался совершенной простотой. Так, например, в Германии важнейшим моментом этого обряда было опоясывание нового рыцаря

мечом, который торжественно благословлялся священником. Опоясывал рыцаря или местный сеньор, или даже вновь посвящаемый опоясывался собственноручно. Тот же сеньор подавал ему щит и копье, и все это несложное торжество заканчивалось турниром. В Англии еще в XII веке была та же простота. Годфрид Плантагенет, возведенный в рыцарский сан Генрихом I, принял ванну, надел великолепную одежду, принял в подарок рыцарское вооружение и сейчас же пошел показывать свою силу уже в качестве нового рыцаря. Впрочем, и во Франции сложный и поэтический обряд рыцарского посвящения появился не сразу, а выработался постепенно в течение столетий.

Но обратимся к нашему юноше. Он бодро вынес испытание. Сон ни разу не смежил его глаз. Он устоял против соблазна присесть на ступенях алтаря. Он все еще стоит пред алтарем в своем длинном белоснежном одеянии. В глубоких оконных амбразурах забрезжил дневной свет; засветились разноцветные стекла оконных рам. Все больше и больше света проникает в храм, мрак уступает место свету, тени убегают в углы. Вот она – благодатная заря вождя дня! За стенами храма, среди зелени, омытой росой, запели птицы; солнце вошло... Загремел дверной засов. В церковь вошли люди.

Посвящение в рыцари.

Церковь наполнилась родными и знакомыми вновь посвящаемого. Приехал сам епископ – особенная честь для нашего барона. Сам епископ благословит сегодня меч нового рыцаря. Как богаты, как пестры наряды собравшихся! Каким весельем озарены их лица! Вот понеслись звуки органа; началась месса. Благоговейно выслушал ее вновь посвящаемый, благоговейно приобщился. Наконец наступили торжественные минуты благословения меча. Вновь посвящаемый приблизился к епископу; перевязь с мечом надета у него на шее. Епископ снял меч и громко прочитал следующую молитву: «Пресвятый Господи, Отец всемогущий, Боже вечный, Единый, всем повелевающий и всем располагающий! Чтобы подавлять злобу нечестивых и защищать справедливость, спасительным благоволением Своим Ты дозволил людям пользоваться мечом на земле. Устами святого Иоанна Ты сказал воинам, приходившим искать его в пустыне, чтобы они никого не обижали, не клеветали ни на кого, но довольствовались жалованием своим. Господи! Мы смиренно прибегаем с молитвой к милосердию Твоему. Ты дал рабу Своему Давиду силу победить Голиафа, Иуде Маккавею – восторжествовать над народами, не признававшими Тебя; так же и рабу Своему, сегодня

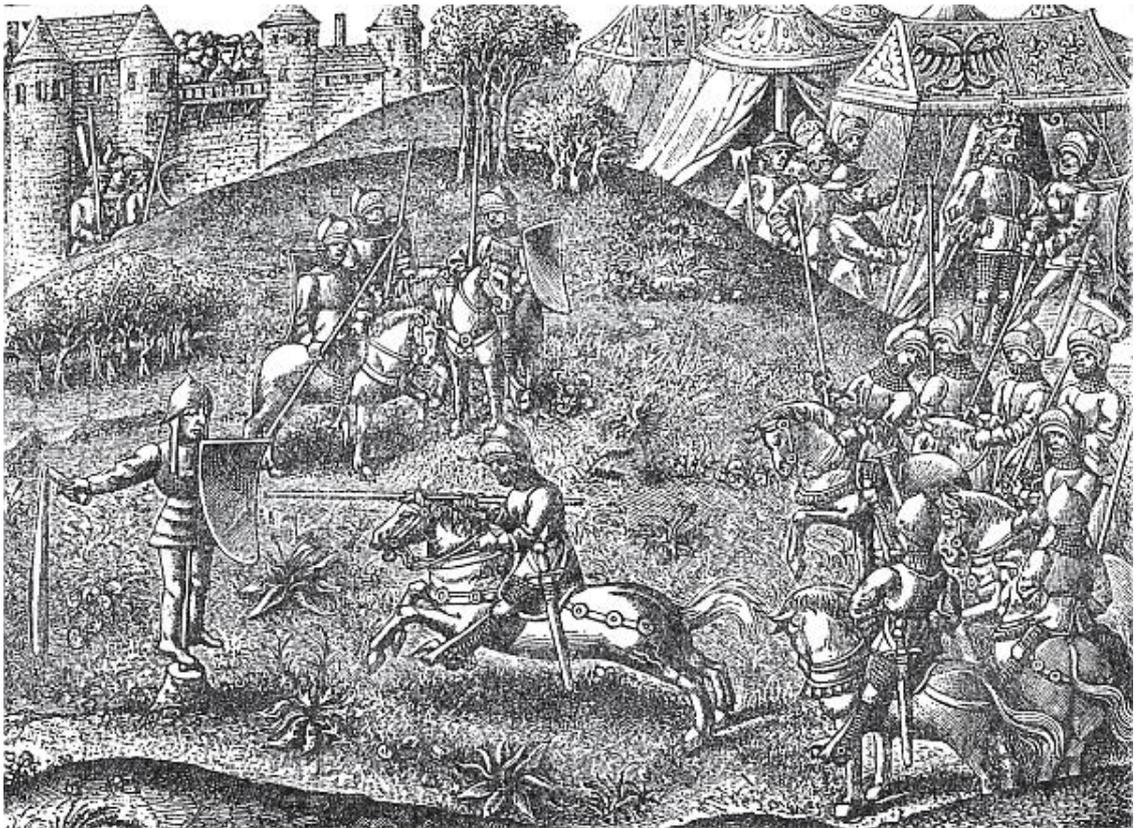
преклоняющему главу свою под ярмо военной службы, сообщи силу и отвагу на защиту веры и справедливости, приумножь в нем веру, надежду и любовь. Дай ему все вкупе – и страх Твой, и любовь Твою, смирение и твердость, послушание и терпение. Устрой все так, дабы ни сим мечом, ни иным он не ранил никого несправедливо, но употреблял его на защиту всего истинного и правого». После этого епископ снова надел на шею молодого рыцаря уже освященный меч со словами: «Прими меч сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа, употребляй его на свою защиту и на защиту святой Церкви Божией, на поражение врагов Креста Господня и веры христианской и, насколько возможно это для немощности человеческой, не поражай им несправедливо». Молодой рыцарь, на коленях слушавший как молитву, так и слова епископа, поднялся на ноги, взял свой меч, широко размахнулся им, как бы поражая невидимых врагов Христовой веры, затем отер его о левую руку и снова вложил в ножны. После этого епископ поцеловал нового воина со словами: «Мир тебе». А молодой человек с мечом на шее направился к сеньору своего отца. Это – его воспитанник. Молодой человек вручил ему меч. Воспитанник спросил его: «С каким намерением желаешь ты вступить в рыцарское общество?» Вновь посвящаемый отвечал ему согласно со словами, которые были произнесены незадолго до того времени епископом. Тут же он принес клятву верности ему как своему сюзеру. Тогда, по приказанию последнего, началось облачение его в рыцарские доспехи. Этим делом занялись рыцари, им помогали дамы и молодые девушки. Сперва прикрепили ему левую шпору, затем правую, надели кольчугу, а после всего опоясали его мечом. Когда новый рыцарь был облачен в доспехи (*adouer*), он скромно опустился на колени перед своим воспитанником. Тогда последний поднялся со своего места и своим обнаженным мечом, держа его плашмя, три раза коснулся плеча вновь посвященного, произнося при этом: «Во имя Божие, во имя святого Михаила и святого Георгия я делаю тебя рыцарем, будь храбр и честен». После этого молодому рыцарю поднесли шлем, щит и копье. Сопровождаемый всеми присутствующими в храме, он вышел из него. Собравшийся перед церковью народ приветствовал нового рыцаря громкими восклицаниями. Теперь настало время показать свою ловкость и силу. С этой целью недалеко от церкви уже заранее установлен на вращающемся столбе довольно грубый манекен рыцаря (*la quintaine*), покрытый вооружением. Наш рыцарь, при всеобщем одобрении, не коснувшись ногою стремени, вскочил на своего рыцарского коня и, погарцевав на площади, помчался в сторону манекена. Метким и сильным ударом он сбил и рассыпал мишень. Гром рукоплесканий заглушил шум от разлетевшегося в стороны и даже поломавшегося оружия, которое было искусно прикреплено к манекену. Пора нашему рыцарю отдохнуть. В сопровождении родных и гостей он поехал в замок своего отца.

Посвящение в рыцари св. Мартина.

Баярд посвящает в рыцарское звание короля Франциска I.

Военное упражнение с манекеном.

Рыцарство привнесло в средневековую жизнь иные принципы, прямо противоположные тем, которыми руководствовались представители господствующего класса до его появления. И до его появления были отдельные лица, руководившие ими: около тысячелетия прошло уже с тех пор, как эти великие принципы были торжественно провозглашены в земле обетованной. Но лица эти составляли едва заметное меньшинство. Церковь воспользовалась благотельным общественным переворотом и взяла молодое учреждение под свое непосредственное покровительство. Совершилось приспособление учения Христа к местным и временным условиям, среди которых жили люди.

Внутренность замка

Опередим молодого рыцаря, его семью, его гостей и проникнем раньше их в главные части замка. С его внешним видом, с его планом мы уже ознакомились, теперь поднимемся по каменной лестнице палаты и постараемся, пока не набралось в ней народа, хорошенько рассмотреть главную, большую залу (la grand' salle, der Saal). Против ожидания, вы не сразу проникаете в нее с верхней площадки каменной лестницы. Пройдя главные двери, мы вошли с вами в обширный коридор, который протянулся вдоль всего главного фасада здания. Это – светлая галерея (Liew или Loube, loge, loggia), свет обильно проникает в нее через большие окна. В стене, противоположной окнам, находятся двери: одна из них ведет в главную залу. Войдем в нее. Как мрачна зала! Вот первое наше впечатление. Да как же и не быть ей мрачной? При обширных своих размерах, при толщине стены (от 8 до 10 футов), при небольшом количестве узких окон, представляющих собою глубокие ниши, при цветных стеклах, задерживающих дневной свет, совершенно понятна эта мрачность. Главная цель обитателей замка – устроиться возможно безопаснее: вот почему его внутренние помещения представляли так мало удобства, комфорта. Однако нельзя сказать, чтобы и в те времена, по преимуществу военные, люди совершенно не заботились об удобствах или о красоте. Рассматривая внутренность замка, мы увидим следы этих забот. Только эти заботы стояли, так сказать, на последнем плане.

Пол нашей залы каменный, но не одноцветный: он составлен из разноцветных плит, правильно чередующихся между собою и несколько ослабляющих то впечатление мрачности, которое мы испытали при входе в залу. Сегодня, сверх того, на нем разбросаны древесные ветви и цветы, между последними – розы и лилии ввиду предстоящего пира. Но не будем забегать вперед. Вся зала разделена на три отделения колоннами с причудливыми капителями. Потолок плоский; поперек его идут ряды балок, частью расписанных разноцветными красками. Каменные стены залы выбелены и местами расписаны водяными красками, местами увешаны рогами, щитами, копьями. Фрески грубы, перспективы нет и следа, краски однообразны. Сегодня по причине торжества по стенам развешаны ковры; на последних изображены роцы с животными, герои древней истории, герои и героини рыцарской поэзии. Посредине комнаты – громадный дубовый стол, покрытый скатертью. На нем ложки, ножи и сосуды из золота и серебра. Вокруг него, как и вообще по стенам залы, скамьи с подушками. На одном конце его – большое кресло с ручками под шелковым балдахином. Обыкновенно здесь сидит владелец замка, а сегодня оно предназначается для сеньора нашего владельца. Но особенно нашего внимания заслуживает камин. Это целое сооружение. Помещается он между двумя окнами. Основанием его внешней части служат прямые колонны почти в человеческий рост; над ними выдается довольно далеко вперед каменный колпак, постепенно суживающийся по мере приближения к потолку. Колпак расписан изображениями на сюжеты рыцарской поэзии. О размерах каминов в средневековых замках можно составить себе некоторое представление из следующего рассказа, который мы находим у французского хрониста *Фруассара*. Из всех дворов богатых владетелей в XIV в. особенно славился двор графа Фуа. Его обширные замковые помещения были всегда переполнены рыцарями. Дело происходило во время святок. День был холодный; рыцари грелись, сидя перед камином. В залу вошел сам граф. «Как холодно, – сказал он, – а в камине так мало огня!» Один из рыцарей, Эрнотон, стоял у окна залы, посматривая во двор, и как раз увидел входящих во двор замка ослов, нагруженных дровами. Недолго думая, отличавшийся необыкновенною силою рыцарь спустился во двор, схватил самого большого из ослов, нагруженных дровами, взвалил эту ношу себе на плечи, поднялся с нею в залу, растолкал рыцарей и, пробравшись к камину, бросил в огонь осла с дровами, чем возбудил смех и удивление всего общества. Мы

еще будем иметь случай посидеть вместе с семьей нашего барона у этого же самого, но уже пылающего камина в суровый осенний вечер, когда буря будет завывать и носиться вокруг замка, а теперь воспользуемся временем и заглянем в другие комнаты, благо нам никто не мешает: все в кладовых, в кухне, на дворе, за воротами – в ожидании блестящего поезда.

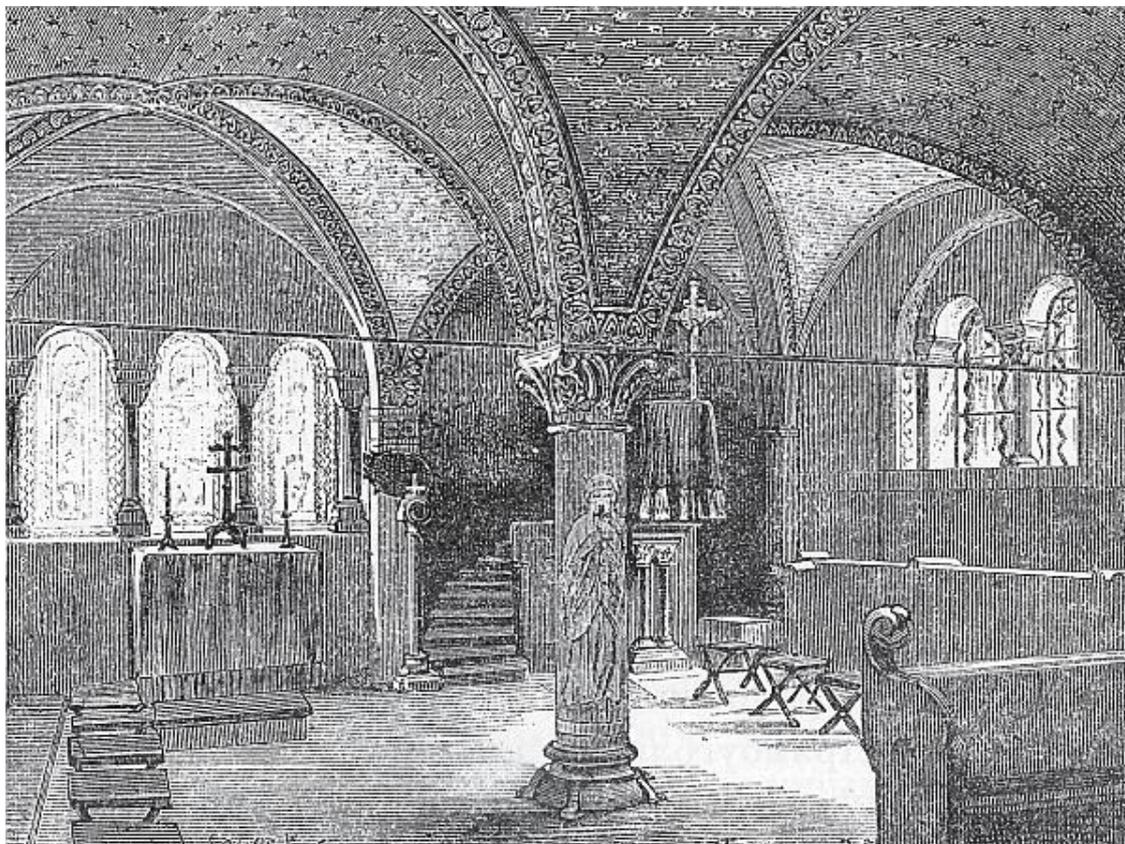
Амбразура окна.

По сторонам главной залы находятся еще подобные ей, но гораздо меньших размеров. Там нечего смотреть. Поднимемся по этой каменной круглой лестнице на верхний этаж: там расположены жилые помещения. Из них заслуживает наибольшего внимания только спальня. И она освещается дневным светом очень скудно; он проникает с трудом сквозь цветное стекло, да и глубокая ниша служит большой помехой. Здесь два таких окна, а между ними камин, такой же формы, как в большой зале, но меньших размеров. Стены здесь также раскрашены, покрыты картинами, а сегодня, как и внизу, коврами. При входе в эту комнату бросается в глаза низкая, но широкая постель. Она поставлена изголовьем к стене. Высоко поднимаются шитые шелками подушки. Занавесы, передвигающиеся на железных прутьях, совершенно отдернуты. Резко выделяется богатое горностаевое одеяло. С обеих сторон у самой постели брошены на каменном узорчатом полу звериные шкуры. Тут же – большой канделябр с толстой восковой свечой и горизонтальный стержень (*la perche, der Ric*), укрепленный на двух других, вертикальных, и предназначенный для того, чтобы вешать снимаемое на ночь платье и белье. Вблизи постели на подставке, прикрепленной к стене, стоит довольно грубо сделанное изображение святого, патрона замковладельца. Вдоль стен расставлены скамьи с подушками, кресла, кое-где прямо на полу разбросаны подушки, предназначенные для сиденья. На полу у стены стоят несколько запертых ящичков, в которых хранится белье и одежда. Некоторые из них богато разукрашены. На столе, недалеко от камина, стоят два интересных предмета; это небольшие ящички, один круглый – из бронзы, другой четырехугольный – из слоновой кости. Круглый открыт, и в нем помещается зеркало в резной деревянной раме. Но особенно интересен второй, закрытый ящичек. Его резьба изображает лес, на деревьях поют птицы, а под деревьями конные охотники преследуют какого-то зверя. Там, вероятно, хранятся драгоценные украшения: серьги, перстни с драгоценными

каменьями, браслеты и колье. До нашего времени сохранились подобные ящички, и они вместе с рыцарскими поэмами, с миниатюрами в средневековых рукописях, с мемуарами и с развалинами замков служат источником для восстановления перед умственным взором образованного человека того рыцарского общества, которое уже давным-давно отошло в вечность.

После того, как вы ознакомились с главной залой и спальней, другие комнаты – *кеменаты* (кемена`тен), как назывались они в Германии (по латыни *kaminatae*, т. е. отапливаемые печами, каминами), не могут представить нашему вниманию ничего нового.

В заключение нашего обзора посетим замковую капеллу и проникнем тайком в замковую темницу. Капелле, как вы, вероятно, помните, отведено в замке нашего барона особое здание на первом дворе. В других замках она помещается в жилом здании рядом с главной залой. Но, где бы она ни помещалась, без нее обитателям замка обойтись невозможно. При своем посвящении в рыцарское звание каждый посвящаемый давал обет ежедневно присутствовать на божественной службе. Вот и первая необходимость иметь капеллу здесь же, под рукой. Но капелла немислима без священника, без капеллана, вот почему последний – лицо необходимое в среде обитателей средневекового замка. Ведь не ехать же всякий раз за священником в ближайшую церковь, тем более что и ближайшая церковь отстоит от замка довольно далеко. С другой стороны, представьте осаду замка неприятелем – явление самое обыкновенное в те суровые времена, ведь тогда без капеллы хозяева замка и все его многолюдное население были бы совершенно отрезаны от церкви, лишены утешения, доставляемого молитвой, словом Божиим, лишены возможности приобщиться святых таин. Кроме того, капеллан нередко играет роль домашнего секретаря: он читает и пишет по поручению хозяев письма. Наконец, он наставляет в правилах веры молодое поколение. Вот почему без капеллы и капеллана немислим был ни один порядочный замок.

Капелла в замке.

Но будем продолжать осмотр. Наша капелла очень незатейлива. Прямоугольная комната, освещаемая несколькими полукруглыми окнами с цветными стеклами, с изображениями святых, заканчивается полукруглой нишей; в нише – алтарь с самыми необходимыми предметами: распятием, Евангелием, дарохранительницей, свечами...

От этого места, где ежедневно произносятся возвышенные слова любви и мира, перенесемся воображением в другое место, где раздаются иногда проклятия и страшные стоны. Мы – в темнице, под главной замковой башней. Темный, круглый подвал со сводом. Наверху свода – отверстие, через которое спускают сюда преступника. Через скудные отдушины скудно входит в это ужасное место свежий воздух. Удушливый воздух, грязь, всякие гады, а иногда и подпочвенная вода, внезапно прорвавшая себе дорогу, грозят здоровью и жизни несчастного узника, которому суждено спуститься под этот мрачный свод. Прочь, прочь отсюда, на свежий, вольный воздух, где солнце светит, где плывут облака, где птицы поют свои беззаботные песни!

С вершины башни понеслись звуки рога, послышалась откуда-то музыка, пение, приветственные крики. Молодой рыцарь подъезжает к своему дому, с ним – родные и гости.

Пир

Прежде чем изобразить вам картину пира в большом средневековом замке, я должен сказать, что последний представлял собой дворец в миниатюре. Как барона, так и баронессу окружал целый штат прислуги. Этот штат увеличивался и развивался, конечно, постепенно. Мы уже оставляем в стороне пажей и оруженосцев, которые были благородного происхождения. Кроме них был целый ряд должностных лиц, которым поручалась та или другая часть замкового хозяйства. Одно перечисление их заняло бы довольно много места. Мы обратим внимание только на главнейших из них. Первое место в придворном штате средневекового барона занимал *сенешаль* (le sernerchal), главной заботой которого был стол барона; он заведовал провиантом и имел общий надзор за кухней, «руководил кухонным департаментом». *Маршал* (le marerchal, de Marschalk) заведовал конюшнями, палатками, всякой перевозкой. В ведении *шамбеллана* или *камергера* (le chambrier, der Kammerer) находились комнаты и домашняя утварь. Погребами и кладовыми с винами, пивом и медами заведовал *стольник* (dapifer, le bouteiller, der Truchsess). Особое должностное лицо закупало провизию. Ниже их стояли сержанты, гарсоны (и в Германии употреблялось испорченное французское название Garzune), псары и др. Даме прислуживали *каммерфрау* (pucelles, Kammerfrauen), бывшие благородного происхождения и несшие свою службу добровольно, как пажи и оруженосцы. Главным же образом уход за госпожой составлял обязанность горничных (chambriere`s, Dienerinnen). Теперь, после некоторого знакомства с многочисленным замковым штатом, и картина пира будет отчетливее.

Загремели рога, призывают к парадному обеду. Каким шумом наполнилась пустынная до того времени главная зала замка! Как оживилось сразу ее подавляющее однообразие! Мы как будто совершенно в другом помещении, как будто и не были здесь раньше. Вот они входят, разодетые гости и гости. Одежды кавалеров и дам различаются между собою немного: сходство поразительное! Только дамский костюм ниспадает до самого пола, располагаясь красивыми складками, а мужской – значительно короче; только дамские рукава необычайно широки, и нижние концы их очень длинные, а мужские плотно охватывают руку и доходят до кисти. Разноцветный шелк, мех, галуны и драгоценные камни – у тех и других. Особенно богаты пояса. У дам концы поясов ниспадают почти донизу и обильно украшены топазами, агатами и другими камнями. Волосы дам тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы (кое у кого с примесью фальшивых волос), перевитые цветными лентами и золотыми нитями. (В то время не только носили шиньоны, но умели красить волосы; были известны и румяна.) Волосы у мужчин ниспадают до плеч, у некоторых из них бороды достигают довольно больших размеров. Но короткая борода вообще преобладает; встречаются даже и совсем бритые подбородки. У многих из присутствующих, особенно у дам, головы украшены золотыми обручами, на которых сияют драгоценные камни. Блеск золота, серебра и драгоценных камней, приятное сочетание цветных материй, среди которых преобладают синий и красный цвета различных оттенков, необычайно оживляют картину, развертывающуюся перед нашими глазами. Все блестящее общество направляется к громадному столу, покрытому узорной белой скатертью. Бросая беглый взгляд на сервировку стола, мы с некоторым изумлением замечаем отсутствие предмета, по нашим понятиям, безусловно необходимого, а именно – вилок. Последние стали входить в употребление только с самого конца XIII века. Каждый прибор состоит из ножа, ложки и серебряного, кое-где и золотого, кубка. Есть кубки на две персоны. Но особенно выделяется сосуд для питья, поставленный перед местом самого знатного гостя. Этот сосуд имеет форму корабля. Сам корабль, наполняемый вином, помещается на ножке. Над палубой его возвышаются мачты, надуваются паруса, выются флаги и вымпелы. Корабль сделан из серебра, местами позолоченного. Снасти устро-

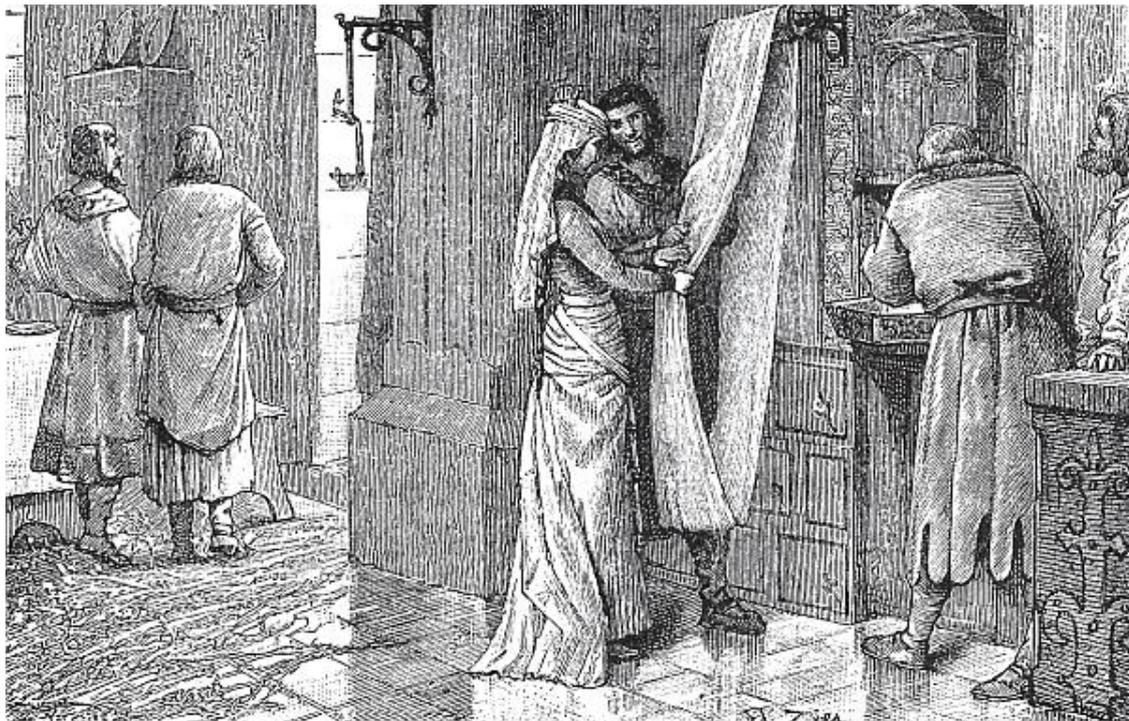
ены так, что перед питьем снимаются. Для каждого присутствующего у его прибора заблаговременно положены на столе белые хлеба. Кроме того, на столе расставлены большие металлические кувшины с вином, чаши с крышками и без крышек, солонки, соусники. На солонках встречаются надписи. Особенно хороша одна:

Cum sis in mensa,
primo de paupere pensa:
cum pascis eum,
pascis, amice, Deum.

(когда ты за столом, прежде всего подумай о бедняке: кормя его, ты кормишь, друг, Бога). Наше общество шумно расселось по степеням знатности на скамьях, окружающих стол. Местничество далеко не представляет собою исключительно *русского* явления. На главном месте, под балдахинном, расположился сюзерен нашего барона, удостоивший последнего своим визитом в сегодняшней, великий для барона день. Только расселись за столом гости нашего барона – в залу вошли прислужники; в их руках – кувшины с водой, на шею накинута полотенца. Умывание рук перед обедом при отсутствии вилок имеет, конечно, особенное значение. Что касается самих кушаний, необходимо заметить, что в то время ни супа, ни бульона не существовало, начинали прямо с мяса. Так, например, сегодня на первое блюдо разносится жареный олень; он разрезан на куски и сильно приправлен горячим перцовым соусом. Второе блюдо так же сытно, как и первое, это – жареный кабан под тем же соусом. За ним внесены жареные павлины и лебеди. В то время как одни прислужники и оруженосцы разносят кушанья, другие обходят стол с кувшинами и наливают в кубки вино. Потом отведываются зайцы и кролики, всевозможные птицы, пироги с мясной начинкой и рыба. Вот принесены яблоки, гранаты, финики. Но, что должно возбудить наше удивление, в самом конце обеда уже насытившиеся рыцари снова обращаются к тем же пряностям, которыми в изобилии были приправлены все мясные блюда. Перец, мускатный орех, гвоздика, имбирь – все это употребляется ими с особенным удовольствием. Говорят, что это делалось ими для возбуждения и поддержания жажды, а последняя побуждала их к большому потреблению вина. Но все эти приправы, может быть, были просто необходимы при тех тяжелых блюдах, из которых состояли званые обеды, подобные сегодняшнему. Вина также приправлены разными пряностями и представляют собою подобие каких-то микстур. Любопытны некоторые наставления для гостей, написанные одним из средневековых писателей, например: гости должны быть скромны и довольны тем, что им предложено; они не должны есть двумя руками; не следует ни пить, ни говорить с набитым ртом; не обращай к соседу с просьбой об одолжении кубка, если видишь, что сам он еще не допил его, и т. п. По нашим понятиям, наставлениям этим место в юмористическом листке, но время автора было иное, и он писал их совершенно серьезно.

Пир.

Но и в то далекое от нас и сравнительно грубое время, обедааясь и предаваясь излишнему употреблению вина, люди чувствовали какую-то инстинктивную потребность в чем-то высшем и лучшем. Спасительницей загрубевшего общества была великая зиждительная сила поэзии. Она пробуждала в их загрубелых, но все же человеческих сердцах, бившихся под железными панцирями, лучшие, благородные, истинно человеческие чувства.

Необходимую принадлежность пира, подобного сегодняшнему, составляли музыка и пение. Взгляните на небольшую группу людей, расположившуюся в том углу зала. Это – *жонглеры*, странствующие музыканты и певцы. Их десять человек. Здесь и арфа, любимейший музыкальный инструмент в средние века, и гусли (*psalterion* – треугольный ящик с отверстием посреди, с натянутыми струнами), и лютня, и подобие скрипки (*die Fiedel, la vielle*), и другие струнные инструменты. Одетые в длинное, ниспадающее почти до самой обуви платье, жонглеры усердно исполняют одну пьесу за другою. Музыка чередуется с пением или сливается с ним. Из среды жонглеров выделяется особенно один своим более серьезным видом. Это – певец исторических песен (*jongleur de geste*). Он поет о подвигах святых, о подвигах рыцарей. Его очередь еще не пришла. Он будет петь потом, после обеда. Теперь же на смену музыке появились акробаты; это остаток от римских обычаев, унаследованный новыми народностями Западной Европы. Один из них встал на шар; стоя на нем и подталкивая его ногами, он начал кружиться по зале. Другой заходил на руках. Двое из них подняли обруч, а третий стал с разбега прыгать в него. Некоторые из них замечательно искусно подражают пению соловья, крику павлина, серны. Нашелся и фокусник, который поглощал огонь и снова извергал его изо рта. Среди подобных забав обед приблизился к концу. В самом конце его каждый из присутствующих пропел какую-нибудь песню. Затем снова вошли прислужники с водой, и по окончании безусловно необходимого рукомытия все общество повставало из-за стола. Все разбрелись кто куда. Группа гостей собралась в соседней комнате вокруг хозяйки, которая раздает им на память недорогие подарки – кушаки, застёжки и тому подобные предметы. Полюбовались на дворе на борьбу двух медведей и вдоволь насмеялись над их неповоротливыми и смешными движениями. Впрочем, потеха кончилась тем, что противники угрожали не на шутку перекусаться, почему и пришлось их развести. Молодежь устроила игры на открытом воздухе. Потом принялись за любимое занятие, за танцы. Тогдашние танцы походили на хороводы и сопровождались пением участ-

вующих лиц. В то же время образовались группы для игры в шашки, в кости, в шахматы. Игра в шахматы считалась благороднейшей в ряду других игр, ей подобных. Обратите внимание на размеры шахматной доски и материал, из которого она сделана. Она сделана из слоновой кости, и рыцарь в случае нужды мог смело пользоваться ею как щитом. Бывают доски из серебра и даже из золота. Фигуры сделаны из слоновой кости и черного дерева; они отличаются большими размерами.

Жонглер.

Но вот наступают сумерки, и хозяин замка приглашает присутствующих послушать певца исторических песен. Большинство спешит на призыв и собирается в той же самой зале, где был обед. Все смолкло в зале. Певец выступил вперед, откинул на плечи свои роскошные кудрявые волосы, приложил к подбородку нижний конец своего любимого инструмента (*la vielle*), провел смычком по его струнам и после короткого вступления запел... Вам, может быть, не совсем понятно, о чем он поет. Позвольте пересказать вам содержание его песни. Узнав содержание этой песни, вы несколько ознакомитесь с характером тех исторических песен, которые были так любимы средневековыми рыцарями.

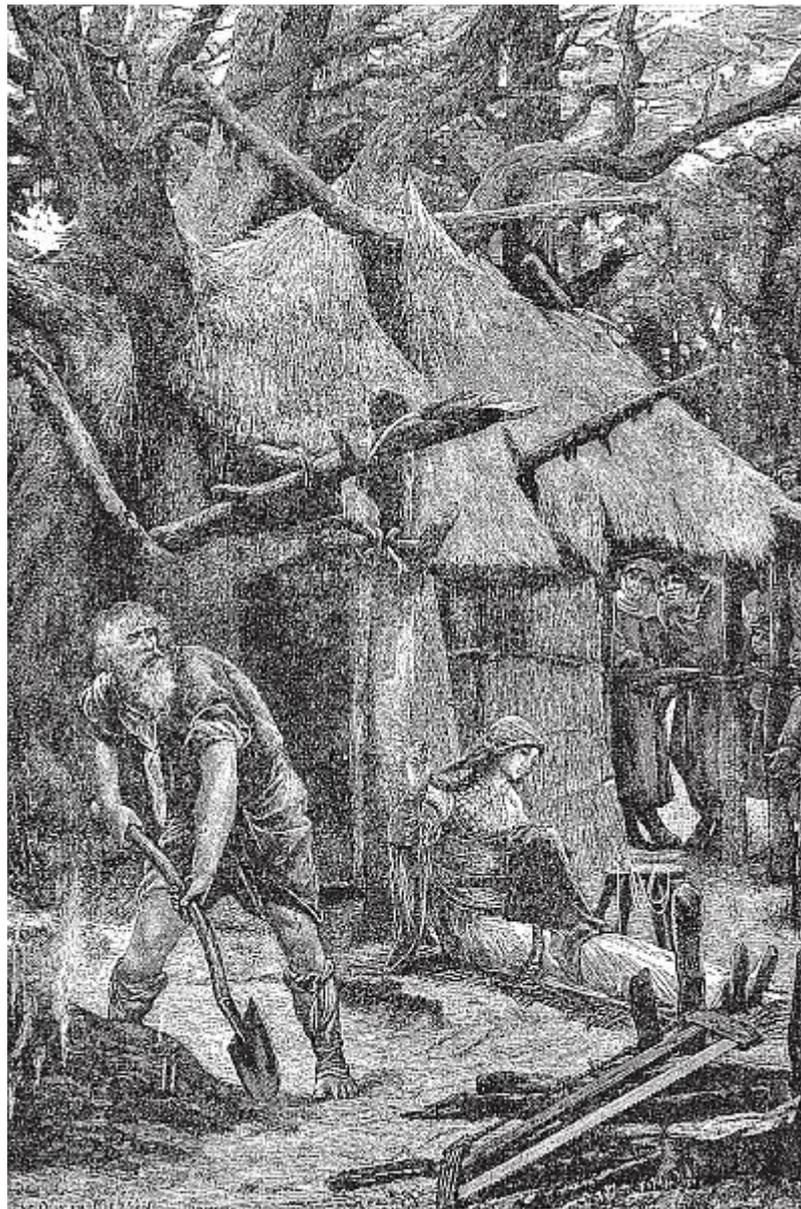
Предметом песни служит судьба Жерара Руссильонского (*Gerard* или *Girard de Roussillon*). Король франков Карл (певец зовет его Карлом Мартеллом, вместо того чтобы

называть его Карлом Лысым) полюбил некую принцессу, родственницу византийского императора. Между тем принцесса и граф Руссильонский уже давно любят друг друга. Несмотря на это, побуждаемый благородным порывом самопожертвования и желая всякого благополучия своей любимой девушке в предстоящем ей высоком положении франкской королевы, Жерар уступает ее королю, а сам женится на родной сестре ее, Берте. Оба брака совершаются одновременно, в одном и том же месте. После этого обе повенчанные пары должны разъехаться в разные стороны. Но перед самой разлукой произошло следующее. На рассвете, говорится в песне, Жерар отвел королеву под дерево, а королева взяла с собой туда же двух графов (которые были ее преданными друзьями) и Берту, сестру свою. «Что вы скажете, императрица, – спросил Жерар, – по поводу того, что я променял вас на предмет менее ценный?» – «Правда, сеньор, вы сделали меня императрицей; но также правда и то, что сестра моя предмет высокой цены. Слушайте меня, графы Жерве и Бергле, и вы, сестра моя, поверенная дум моих, и Ты, Иисус, мой Искупитель, я призываю вас в свидетели того, что вместе с этим перстнем я навсегда отдаю любовь свою Жерару и что я делаю его своим сенешалом и кавалером. Я свидетельствую перед всеми вами, что люблю его более, чем отца, чем своего супруга, и, видя его отъезжающим отсюда, я не могу удержать своих слез». С этого времени душевная любовь Жерара и королевы не прекращалась до самой смерти. Между тем Карл, вообще недолюбливавший Жерара и завидовавший его богатствам и обширнейшим землям, задумал отнять у него на первый раз крепкий замок Руссильонский. Конечно, Жерар стал защищать его. Отсюда возгорелась между ними продолжительная борьба. Частности этой борьбы не могут интересовать вас, а потому мы и пропустим их. Дело кончилось тем, что Карл все-таки победил Жерара. Последний потерпел такое поражение, от которого не мог оправиться. Изменник передал его замок королю. Сам Жерар едва спасся с небольшим числом раненных рыцарей. Эти рыцари во время бегства умирают друг за другом, кроме одного, да и последний ранен смертельно. Потеря всего, изгнание – вот судьба Жерара. Но печальную участь его решила разделить с ним верная его супруга Берта. В самом начале своего странствования, которому суждено было продолжаться многие годы, супруги испытали новое горе: разбойники увели их коней и унесли все оружие Жерара. Но последний долго не смирялся духом. Его сердце пылало мщеньем. Он стремился добраться до Венгрии и там найти себе помощь. Долго один благочестивый отшельник, поселившийся в том лесу, через который проходили несчастные изгнанники, убеждал Жерара смириться и раскаяться. «Я покаюсь тогда, – отвечал Жерар, – когда убью Карла. Только бы найти мне копье и щит!» Речи отшельника и богатое влияние добродетельной Берты одержали верх над непокорным духом Жерара. Много горьких минут пришлось пережить ему. Раз повстречались с нашими изгнанниками торговцы, возвращавшиеся из Венгрии и Баварии. «Что нового в здешних местах? – спросили они у Жерара. – Что подельывает проклятый Жерар Руссильонский?» «Он умер, он похоронен, его убил император Карл», – поторопилась ответить Берта, не без основания испугавшаяся вопроса. «Слава Богу! – отвечали купцы. – Живи он, все бы продолжалась война да опустошение.» В другой раз наши изгнанники пришли в один городок, население которого состояло лишь из детей и женщин. Матери потеряли своих сыновей, жены – мужей, дети – отцов, а виной всему – Жерар Руссильонский и его бесконечные войны. Да будет он проклят! В довершение бедствий Карл рассылает повсюду гонцов. Они предлагают от королевского имени золото и серебро в таком количестве, которое по весу в семь раз превышает вес Жерара, тому, кто приведет Жерара к королю. Гонимый повсюду суровой судьбой Жерар находит убежище у угольщиков в лесу. Он поступает к ним в услужение и продает в ближайшем городке добываемый ими уголь. Его жена Берта занимается в том же городке шитьем. Так проходит много времени, целых двадцать два года! Одно обстоятельство повлияло на перемену, которая произошла в их судьбе. Два сильных сеньора устроили вблизи того места, где пребывали наши изгнанники, военные игры. Сюда стеклось множество рыцарей,

стеклось также и местное население, в том числе Жерар и Берта. Рыцари упражнялись в сбивании манекенов (*la quintaine*, см. очерк «Посвящение в рыцари») и всячески старались превзойти друг друга. При виде этого зрелища в Берте пробудилось воспоминание о былом, о том времени, когда сам Жерар задавал подобные зрелища и всех превосходил своей силой и ловкостью. Жгучая боль охватила ее сердце. Она почти без чувств упала на руки Жерару, смотревшему на рыцарскую потеху в бедной одежде угольщика, и горько заплакала. Может быть, в первый раз осознал Жерар всю глубину того самопожертвования, которое совершила его Берта. «Дорогая супруга, – сказал он ей. – Сердце твое истомилось. Вернись во Францию. Клянусь Богом и святыми Его, что ни ты, ни родители твои никогда более не увидите меня!» «Сеньор, – отвечала Берта, – вы говорите по-детски. Богу угодно, чтобы я не покидала вас никогда, пока я живу. Я лучше соглашусь сгореть заживо, чем расстаться с вами. О сеньор! Не произносите более таких жестоких слов». Тронутый этой речью, Жерар молча прижал к сердцу свою верную подругу. Вскоре после этого по ее совету Жерар отправился вместе с ней в Орлеан, где в ту пору находился король. Супруги пришли туда в Великий четверг. В этот день должна была посетить церковь сама королева. Множество бедных пилигримов, нищих, калек собралось туда: королева собственноручно будет раздавать им платье и деньги. В эту толпу вмешался и Жерар в надежде увидеть королеву и открыться ей. Но священник, заметив могучую фигуру Жерара среди немощных и слабых, выгнал его из церкви. Горько было Жерару, но Берта успокоила его словами утешения и подала ему новый совет. «Не смущайтесь, сеньор, – сказала она, – сделайте то, что я вам посоветую. Завтра Великая пятница: императрица придет одна помолиться в церкви. Подождите ее, а как только ее увидите, приблизьтесь к ней и представьте ей вот этот перстень; это тот самый перстень, который она дала вам когда-то в залог своей любви в присутствии графа Жерве. Вы отдали его мне, а я сохранила его как сокровище посреди всех наших невзгод». Наступила Великая пятница. Королева вошла в церковь босыми ногами и скрылась в отдаленном приделе, где не было ни души, кроме нее, только одинокая лампада слабым светом своим озаряла ее. Тихими шагами направился в ее мирное убежище Жерар и робко заговорил с нею: «Государыня! Во имя любви Бога, который творит чудеса, во имя любви тех святых, которым вы молитесь теперь здесь, во имя любви Жерара, который был вашим другом, я заклинаю вас прийти ко мне на помощь». «Бедняк, – отвечала королева, – что ты знаешь о Жераре, что сделалось с ним?» «Королева, – возразил Жерар, – ответьте мне сперва на один вопрос: что сделали бы вы с Жераром в том случае, если бы он снова был в вашей власти?» «Бедняк, – сказала королева, – с твоей стороны большая дерзость задавать мне подобные вопросы. Но как бы то ни было, знай, что я отдала бы четыре города, чтобы только граф Жерар оставался в живых: ему были бы возвращены все земли и почести, которые он потерял.» Тогда Жерар подал ей перстень и открылся. Королева внимательно взгляделась в Жерара и узнала его. Она позабыла, по словам древнего поэта, про Великую пятницу и стала целовать Жерара. На время он был поручен попечениям священника, а потом королева примирила с ним короля. После нового столкновения с королем Жерар снова примирился с ним и мирно почил в своем Руссильонском замке. Тем и окончил певец свое сказание о Жераре Руссильонском.

Игра в шахматы (со средневековой миниатюры).

Жерар и Берта в лесу.

Певец осыпан похвалами и щедро одарен. За его пением время пролетело незаметно. Зала озарилась свечами, поставленными в высокие канделябры. Снова суматоха: стол уставляется приборами для ужина. После ужина большинство гостей уехало. Хозяин проводил их до коней и осушил вместе с гостями последний кубок с пожеланием счастливого пути. Остальные расположились ночевать в гостеприимном замке. Вот все утихло. На дворе прохладно. Луна, как серебряный щит, сверкает на ясном небе. Теплятся звезды. Таинственный свет луны раскинул причудливые тени замковых укреплений. Загремели цепи: подъемные мосты окончательно опущены. Караул обошел стену, бряцая своим оружием, прозвучали сигнальные трубы. Утомившийся сегодня шамбеллан принес усталому хозяину тяжелую связку ключей. И скоро все погрузилось в сон.

Охота на кабана

Холодное осеннее утро. Солнце светит, но заслоняется по временам бесконечно следующими друг за другом серебристо-белыми облаками. Роса покрывает поле. Птичьи голоса не оживляют его. Лес поредел, и далеко разносится ветром опадающая листва. Подъемные мосты у ворот нашего замка давно опущены. На большом мосту и около него – группа охотников, лошадей и собак. Сегодня наш барон едет поохотиться: вчера в одном из окрестных лесов его охотники открыли кабана. Теперь они все в сборе и ждут только барона, чтобы пуститься в путь. Каждый из охотников одет в короткий зеленый кафтан, плотно опоясанный кожаным поясом. За этим поясом заткнут нож (*quenivet*) и тут же помещаются огниво, трут и кремь. Панталоны сшиты из толстой материи; кроме того, ноги защищены еще гамашами. Через плечо у каждого из них перекинута перевязь с рогом; особенно были распространены в то время рога из слоновой кости. На головах – невысокие шапочки, украшенные у иных перьями. У седла заткнуты кривой кинжал и нож для снятия шкуры с убитого животного и потрошения его. Оттачивался этот нож о камень (*fusil*), предназначенный для этой цели. Главное оружие, употребляемое в охоте на кабана, – рогатина; вот почему она и преобладает в данное время перед другим родом оружия. На всякий случай взято, конечно, и другое оружие: так, например, мы видим дротики, употребляемые против оленя, и луки, которые были необходимы в охоте за мелкой дичью. В ожидании господина охотники коротают время болтовней и шутками. Только на несколько минут омрачилось их веселое настроение, и вы будете, конечно, удивлены, если я скажу, что виною такой перемены были не кто иные, как ни в чем не повинные вороны. Вздумалось им устроить небольшой раут неподалеку от того места, где собрались наши охотники. Раут, как и всегда бывает у ворон, оказался порядочно шумным. Но дело не в этом шуме. Нервы этих здоровых людей вынесут какой угодно шум. Дело в том, что люди эти крайне суеверны и в присутствии злополучных ворон видят предзнаменование неудачи. Суеверием заражен и сам владелец замка; будь он теперь не у себя в комнате, он непременно бы подчинился тому же самому чувству, которое испытали его слуги. Он у себя, одевается. В этом занятии помогает ему и жена его, но сохрани Боже, если она по рассеянности подаст ему меч! Веселое настроение духа, в котором он находится теперь, сразу же изменится, потому что он убежден в неизбежности неудачи, если при снаряжении на охоту возьмет меч из рук женщины. А взять его с собой необходимо: рыцарь и на охоте не расстанется ни с мечом, ни с шлемом. Но вот он готов и направляется к ожидающим его охотникам. Скоро все садятся на коней, отъезжают и скрываются в ближайшем лесу. И мы последуем за ними.

Охота началась с того, что совершенно неожиданно открыли след оленя, пустили собак по следу и скоро добрались до убежища животного. Молодой олень понесся вперед, собаки и охотники за ним. Он убежал бы от преследования, если бы стрела, удачно пущенная кем-то из присутствующих, не убила его наповал. Двое из охотников были оставлены на месте, чтобы разрезать оленя на части и отправить в замок. Остальные с собаками помчались вперед за кабаном. Все происшедшее после этого очень интересно рассказано в одном из рыцарских романов, и мы не находим ничего лучшего, как передать все словами этого романа.

«У рыцаря была в руках дубина. Он ударил ей по кустарнику (в котором скрывался кабан), а охотники грянули в свои рога так громко и звонко, что весь лес отозвался на звонкие звуки рогов. Кабан, услышавший тревогу, немедленно выскочил из кустарника и обратился изо всей мочи в бегство. За ним понеслась большая и сильная борзая собака и нагнала кабана, который во время бегства успел спрятаться. Удалившись от остальных собак на расстояние полета стрелы, борзая снова преследует его и наконец хватает за ухо. Она хочет удержать кабана, но последний ударяет ее своими клыками так сильно, что распарывает ей

бок. Потом он кидается на нее, яростно схватывает ее зубами и ударяет о дубовый ствол; череп собаки разбивается вдребезги, а ее внутренности выступают наружу. Тогда несутся на кабана другие собаки, желая поймать его, но он не дожидается их, а бежит так быстро, как только могут вынести его ноги. Вплотную гонятся за ним борзые, поспешно скачут сюда охотники; они хотят немедленно настигнуть его в лесу. Кабан увидел, что ему несдобровать. И вот он вырвался из лесу и побежал к потоку. Рыцарь следует за ним насколько может быстрее; ему досадно, что кабан выбежал из лесу. Так он спешил, пока кабан не добежал до берега реки. Река очень глубокая. Бесстрашно прыгнул в нее кабан, думая, что теперь может быть спокоен. Не тут-то было: одна из борзых вспрыгнула ему на спину и вцепилась зубами в его затылок; другие собаки тотчас поспешили помочь своему товарищу, сильно нуждавшемуся в помощи. Но не успели они еще настигнуть кабана, как последний расправился с борзой и потопил ее. Остальные заметно испугались, но не прекратили погони, а продолжали плыть за кабаном. Рыцарь и все сопровождавшие его сильно сожалели о собаках, убитых кабаном, и бросились за кабаном в воду. В то время как они плыли, стремясь достигнуть противоположного берега, кабан был уже далеко. Он все бежал вперед, а собаки гнались за ним. Однако дело от этого вперед не продвинулось. Кабан бежал теперь по обширному полю, бежал без остановки, так что догнать его без особенных усилий было невысказано. Собаки гнались за ним изо всех сил, охотники торопили и шпорили своих коней, чтобы вовремя поспеть на помощь собакам. Кабан, уже утомленный, бежал сильной рысью. Одна из борзых прыгнула вперед и вцепилась кабану в ляжку. Кабан боится, так как чувствует себя пойманным, чувствует, что ему приходится остановиться. Тогда он схватывает собаку своими длинными и острыми клыками и кидает ее высоко в воздух. При падении на землю несчастная получает такой удар, что ее мозг разлетается. Остальные собаки, хотя и видят это, но уже не боятся кабана, а сейчас же на него нападают. Кабан не дожидается больше нападения, но начинает колоть их куда попало. Рыцарь разгневался и поклялся, что не прекратит охоты, пока у него останется в живых хоть одна собака. Между тем кабан, так сказать, купается в собственном поту: так он измучился бегом. Но несмотря на это он снова пустился в галоп, повернул к реке, добежал до нее и бросился в воду. За ним бросились в беспорядке и собаки, и охотники. Они и не заметили кабана, пока не перебрались на другую сторону. Здесь они с усиленной поспешностью должны были продолжать гоньбу, так как кабан, не имевший охоты мешкать, пустился вперед. Все время следовали за ним собаки, уже порядком утомившиеся. Кабан теперь снова кинулся в тот лес, из которого раньше выбежал. Охотники шпорили уже замученных гоньбою коней... Одна из собак забежала вперед и вцепилась кабану в грудь, думая этим способом удержать зверя. Кабан немедленно схватил ее зубами за кожу на шее и ударил собаку о куст так сильно, что у нее вылетели из головы оба глаза и выступили внутренности... Рыцарь с сильным раздражением увидел еще растерзанную собаку. Из четырнадцати у него теперь осталось только десять, четверых умертвил кабан. Окольной тропинкой рыцарь обогнал кабана и заехал вперед него на расстояние выстрела из лука. С разинутой пастью несся на него кабан, а рыцарь, опершись о дуб, выставил вперед свою рогатину. Кабан после своей продолжительной беготни был совершенно ослеплен и усталостью, и яростью. Он бежал прямо на рогатину, а рыцарь держал ее так, что она угодила кабану в плечо. Кабан с таким неистовством наскочил на рогатину, что вогнал ее в свое тело, как бритву. Она проколола ему все внутренности; рукоятка сломалась пополам, а железо застряло в теле животного. Тогда кабан пал мертвым. Он уже не защищался более, и рыцарь мог теперь слезть с лошади. Тут подоспели утомленные, измученные охотники и от всего сердца возблагодарили Бога. Рыцарь взял в руку очень красивый нож с серебряной рукояткой и вскрыл кабана, совершенно залитого кровью. Быстро он справился с ним, все сделал согласно установленному обычаю и бросил собакам принадлежащую им долю: легкие и потроха. Каждая собака получила свою порцию, но по причине большой усталости

пожирали брошенное только те, которые были очень голодны. Когда же они поели, рыцарь и его свита снова сели на коней. Кабана взвалили на самого сильного коня. Так ехали по лесу рыцарь и его спутники, сильно утомленные...»

Рисунок, изображающий борьбу человека с кабаном, заимствован из средневековой рукописи.

Как они должны были радоваться, когда перед ними обрисовались на фоне неба стены и укрепления родного замка, освещенные вечерними лучами осеннего солнца!

Рыцарское вооружение

Оставим не на долгое время живых людей, а поговорим о предметах бездушных, о предметах, составлявших рыцарское вооружение. И в этом вопросе мы ограничим свой интерес главным образом XII и отчасти XIII столетиями. Познакомимся сперва с оружием наступательным. Оно было двух видов: меч и копье. Меч в форме креста – исключительно рыцарское вооружение. Он состоит из трех частей: стального клинка, рукояти и дискообразного дополнения к последней на самом верху. В древнейшее время употреблялись клинки односторонние, а потом вошли в употребление обоюдоострые. На клинках вырезались различные надписи и фигуры. Надписывалось или имя меча (так как существовал обычай называть их по именам), или какое-либо краткое изречение. Фигуры делались различными: так, мы встречаем упоминание о мече, на клинке которого с одной стороны были изображены три креста, а с другой – три леопарда. Вырезанные надписи и фигуры обыкновенно покрывались позолотой. Из стран, приготовлявших мечи и вообще металлическое оружие, упоминаются различные места Франции, христианская Испания, Англия, Россия и Византия. Рукоять меча граничила с клинком поперечной перекладиной, которая и придавала мечу форму креста. Что касается дискообразного придатка к рукояти, он нередко сообщал мечу характер святыни, так как туда помещались частицы святых мощей и вообще какие-либо реликвии. Меч влагался обыкновенно в ножны, сделанные или из кожи, или из дерева, обитого богатой материей, или даже из золота. Ножны украшались и драгоценными камнями. Рыцарь молился перед мечом, воткнув его острием в землю, приносил клятву, положив руку на его крестообразную рукоять. Замечательный памятник средневековой поэзии – «Песнь о Роланде» – необыкновенно ярко и трогательно изображает перед нами ту горячую любовь, которую истинный рыцарь питал к своему мечу. Роланд, побежденный, несмотря на героическую борьбу, врагами, смертельно раненный, думает о своем мече и говорит с ним, как с дорогим сердцу разумным существом. Не желая, чтобы его меч Дюрендаль достался в руки врагов, он с болью в сердце решает разбить его о скалу. Но меч крепок, он звенит, отскакивает от камня, отбивает куски гранита. Тогда рыцарь начинает оплакивать его.

«Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей золотой тяжелой рукояти
Хранятся мощи...
Не должен ты язычникам достаться;
Христов слуга тобой владеть лишь должен!»

Но вот силы Роланда слабеют.

Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод...
Бежит Роланд – и вот под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч...³

На меч вообще смотрели как на предмет священный. Да это и не будет удивлять нас, если мы вспомним, что каждый рыцарский меч предварительно освящался в церкви. Если

---

³ Перевод графа де-Ла-Барта («Песнь о Роланде», Спб. 1897).

рыцаря хоронили в церкви, меч клали на его гробницу. Кроме меча употребляли еще короткий острый нож или кинжал. Но как кинжал, так и бердыш не были настоящим рыцарским оружием.

Другим наступательным оружием было копьё. Последнее также состояло из трех частей: древка, железного наконечника и значка или флага. Древко достигало больших размеров, а именно восьми футов, а впоследствии даже пятнадцати. Приготавливалось оно из разных деревьев, но лучшим считалось сделанное из ясеня. Древко обыкновенно красилось преимущественно в зеленый или синий цвет. Внизу оно оканчивалось металлическим острием, которое легко втыкалось в землю. Железный наконечник копья чаще всего делался в форме ромба, как мы большей частью и представляем его себе, но бывали наконечники и в форме высокого конуса. Под наконечником тремя и более серебряными или позолоченными гвоздиками прибавался значок или флаг. Он достигал большой длины, спускаясь до самого рыцарского шлема, и заканчивался тремя длинными языками. Наиболее употребительными цветами его были зеленый, белый и синий. Иногда вместо флага прикреплялась длинная лента. Вот как описывается копьё Роланда в упомянутом уже нами поэтическом произведении:

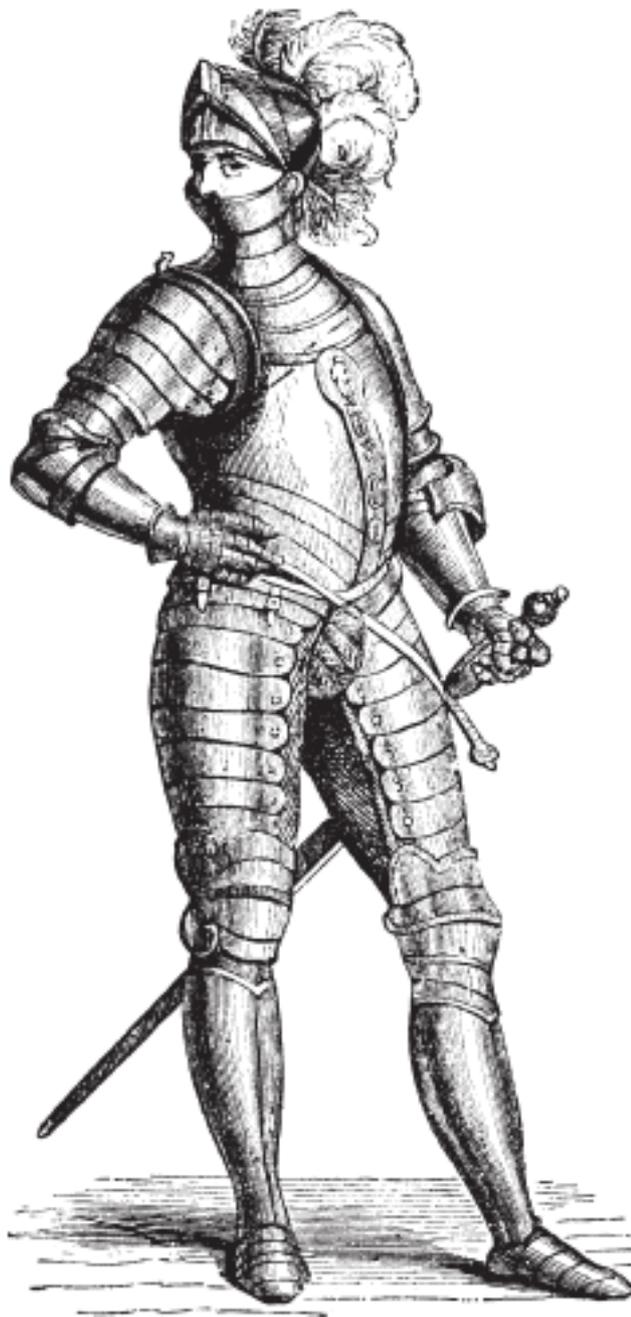
Прекрасен граф,
Ему к лицу доспехи боевые;
В руках он держит острое копьё,
Играет им и к небу голубому
Подъемлет он стальное острие;
К копьё значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты...

Значок не следует никоим образом смешивать со знаменем. Первый был общепринятым предметом, второе же составляло принадлежность только тех рыцарей, которые владели большими землями и приводили с собой на войну известное количество вооруженных людей. В XIII столетии и на флагах, и на знаменах появились гербы. Когда рыцарь шел, он нес свое копьё на правом плече; когда ехал, держал его вертикально; наконец, во время боя – горизонтально, над бедром, а позднее и под мышкой. Копьё было исключительно рыцарским оружием; оруженосец мог биться только со щитом и мечом (но не рыцарским). Иногда и копьё, подобно мечу, имело свое собственное имя.

Оборонительное вооружение составляли щит, кольчуга и шлем. До второй половины XI столетия употреблялись круглые щиты, а потом сделались общепринятыми щиты продолговатые, рассчитанные на то, чтобы прикрывать рыцаря во всю его длину, начиная с плеч. Обыкновенно щиты были не плоские, а выгнутые. Приготавливались они из деревянных досок, изнутри обитых подушкой, а снаружи кожей. Последняя часто раскрашивалась; на ней изображались львы, орлы, кресты, цветки, бывшие вначале лишь простыми украшениями, не имевшими ничего общего с гербами. С внутренней стороны щита приделывались две кожаные ручки, отсюда же выходила широкая перевязь из кожи или из богато украшенной материи. Не участвуя в битве, рыцарь закидывал эту перевязь на плечо. Павших в битве выносили с поля сражения на щитах.

Кольчугой называлась длинная рубаха из железных колец, доходившая до колен и даже спускавшаяся ниже их. С первой половины XII века она вошла во всеобщее употребление, заменив собою ранее употреблявшуюся кожаную рубаху с нашитыми на ней металлическими бляхами. Чтобы кольчуга могла лучше противостоять ударам противника, ее делали из двойных и тройных колец. Кольчуга снабжалась капюшоном для защиты головы. Подобно

другим частям рыцарского вооружения, и кольчуга не оставалась без украшений. По нижнему краю ее, а также по краям ее рукавов, делалось из проволок, пропускаемых в отверстия колец, некоторое подобие кружев или шитья. Наконец, сеньоры и князья серебрили и золотили свои кольчуги. Кольчуга носилась и оруженосцами, но у последних она была легче, а следовательно, и менее защищала от неприятельских ударов.

Шлемом называлась яйцевидная или коническая каска из стали. Нижний край его окаймлялся металлическим же ободком. С передней стороны его спускалась на лицо рыцаря металлическая пластинка, французское название которой *nasal* (носовая) ясно указывает на ее назначение – служить защитой для носа. Иногда с задней стороны шлема спускалась другая пластинка, в которой закреплялся кусок толстой материи для защиты затылка. Носовая пластинка употреблялась до конца XII столетия, а потом уже вошло в употребление забрало – подобие решетки, служившее защитой всему лицу. Само собой разумеется, что указать резкую границу между порой, когда употреблялась носовая пластинка, и тем временем, когда она сменилась забралом, невозможно. Было время, когда были в употреблении и тот, и дру-

гой предметы. Уже в Иерусалимских ассизах⁴ есть указание на употребление шлема с забралом (*heaume a visiere*). Мы уже говорили выше о капюшоне, которым заканчивалась верхушка кольчуга. Обыкновенно шлем прикреплялся к этому капюшону кожаными петлями, продевавшимися сквозь кольца; число этих петель колебалось между пятнадцатью и тридцатью. Зашнуровывался шлем только на время битвы. Если рыцарь получал в битве рану, то первым делом расшнуровывали его шлем. Последний никогда не надевался прямо на голову. Под ним обыкновенно надевали пуховую шапочку, а сверху нее полотняный или шелковый чепец. У знатных и богатых лиц, главным образом у вождей, шлем бывал позолочен, а ободок богато украшался, причем употреблялись и драгоценные камни. Наверху шлем украшался иногда шариком, сделанным из какого-либо металла или из цветного стекла. Иногда на ободке шлема вырезалась какая-нибудь надпись. Оруженосцы носили на голове железную шапочку, которая была легче рыцарского шлема и оставалась без всяких украшений.

Таким образом, мы видим, что рыцарское вооружение уже в XII—XIII вв. было довольно сложно и требовало при надевании немало времени от своего владельца. С течением времени эта сложность увеличивалась все более и более⁵.

---

⁴ Рекомендуем вниманию наших читателей и читателей Отделение средних веков и эпохи Возрождения в Императорском Эрмитаже. Есть иллюстрированный указатель (Н. Кондакова).

⁵ Ассизы Иерусалимского королевства, или письма, Гроба Господня (*Lettres du Sepulcre, Assises du royaume de Jerusalem*), законодательный сборник Иерусалимского королевства.

Турнир

Одной из самых привлекательных для средневекового рыцарства забав были турниры, то есть примерные сражения, в которых участвовали целые толпы. Этим турнир (*tornoieiment*) отличался от поединка (*joute*, от лат. слова *juxta* – вблизи), который представлял собой борьбу одного против одного же, как прекрасно и выражается это русским словом «поединок». Турнир состоял из целого ряда одновременно и на том же месте происходивших поединков, но, конечно, только до известной степени, так как в массовом столкновении довольно трудно было удержать этот порядок до самого конца. Возникшие, несомненно, во Франции турниры (*conflictus gallici*, как они еще назывались) перешли в Германию, Англию и другие западноевропейские страны. Но в каком именно месте Франции и когда возникли турниры, определить невозможно, хотя средневековые хроникеры называли даже по имени изобретателя турниров (Жоффруа де Прельи, ум. в 1066 году). Несомненно, что обычай, так широко распространенный, не мог быть изобретением одного лица. После таких общих указаний постараемся представить себе возможно отчетливее картину турнира.

Сюзерен нашего барона, располагая громадными средствами, задумал устроить турнир. Немедленно же (дело происходило ранней весной, перед Пасхой) он снарядил посланцев, которые должны были оповестить о предстоящей потехе. На площадях близлежащих городов они просто выкрикивали свое оповещение, а наиболее выдающимся рыцарям развезли особые приглашения, писанные на пергаменте. В этих приглашениях точно указывалось место, избранное для состязания, и назывались награды, назначенные победителям. Такими наградами могли быть медведь, пара борзых, ястреб, иногда венок, пояс или мешочек (*aumosniere* – где хранились деньги и духи; носился на поясе) от какой-либо знатной дамы.

Наш барон, получив приглашение, посылает вызов одному из соседних баронов; между ними ведутся переговоры об условиях, на которых состоится борьба. Остановились на том, что победитель овладеет конем и шлемом побежденного и получит впридачу известную сумму денег. Подобным же образом поступают и другие лица, получившие приглашение участвовать в предстоящем турнире. Так подготавливаются обе враждебные стороны. Вызовы посылаются не только от имени одного лица одному же, но и от одной группы рыцарей другой группе. Надо думать, что большинство рыцарей увлекалось только славой победы, но были и такие, для которых турнир был предметом спекуляции: так, например, они брали побежденного в плен и отпускали лишь за большой выкуп, овладевали оружием побежденного и продавали это оружие. Но, повторяем еще раз, по таким личностям не следует судить обо всех. Как оживляются обитатели средневековых замков! Это оживление разделяется и женщинами. Между тем посланцы все дальше и дальше распространяют весть о турнире, и все дальше и дальше распространяется оживление. Пожившие рыцари вспоминают былое и стремятся снова пережить то, что было уже ими пережито; молодые стремятся показать свою удаль и изведать еще не изведенное ими; богатые – показать свой блеск, свои богатства; бедные – улучшить свое положение. Иной бедняк рыцарь, чтобы приобрести себе приличное вооружение, в котором можно было бы без опасения появиться на турнире, входит в долг у знакомого еврея. Он надеется разбогатеть и заплатить как долг, так и немалые проценты. Иные из бедных рыцарей, отправляясь на турнир, рассчитывали улучшить свое материальное положение благодаря какому-нибудь счастливому случаю. В одном литературном произведении средних веков изображен именно такой рыцарь – бедняк, чающий лучшего будущего. Он заложил все, что имел, и отправился вместе со своим оруженосцем в Турень, где должен был происходить турнир. Оруженосец был человек изворотливый. Проезжая дорогой мимо одного озера, он увидел купающихся фей. Недолго думая, он снял с

дерева повешенные феями золотые одеяния и продолжал свой путь. Рыцарь, ехавший позади своего оруженосца, услышал крики и жалобы фей, узнал причину их горя, отнял платья у своего оруженосца и вернул их феям. Благодарные рыцарю, они щедро наградили его и таким образом не только дали ему возможность принять участие в предстоявшем турнире, но и обеспечили его на всю жизнь. Женщины в ожидании турнира вынимают из сундуков свои лучшие одежды. Одновременно с турниром рыцарским, конечно, будет происходить турнир другого рода: кто кого перещеголяет нарядами? Жены, сестры, невесты – все они стремятся туда же, на благословенный турнир.

А вот и тронулись с места будущие участники и зрители турнира. С разных концов в сопровождении оруженосцев, слуг и запасов они едут к назначенному месту. Сколько интересных встреч! Сколько оживленных бесед!

Между тем и на месте предстоящего турнира господствует большое оживление. Рабочие приготавливают места. Распорядители проверяют и пересматривают списки приглашенных. Хватит ли всем места в гостиницах, в частных домах провинциального города? Конечно, нет. Народу съехалось куда больше, чем предполагалось. Что же делать, поместятся и в палатках. И действительно, окрестности города запестрели от массы разноцветных шатров. Конечно, это далеко не представляется неудобством для большинства – совсем напротив! Ведь это так оригинально, так весело – пожить в палатке среди поля после житья среди мрачных, холодных замковых стен! Городские мастера – оружейники, кузнецы, кожевники, золотых дел мастера и другие – завалены работой. На лугу, прилегающему к городу, торговые люди устраивали ларьки и устанавливали столы со съестными припасами и напитками. Тут же располагались в своих палатках жонглеры, а также фигляры и шуты всякого рода, бродячий люд средневековья. Между разноцветными палатками снуют оруженосцы. Всюду – флаги, раскрашенные щиты и гербы. Картина пестрая, полная разнообразия и жизни!

Арена, на которой должен будет происходить турнир, представляет обширное продолговатое пространство, длина его на 1/4 больше ширины. По одной стороне этого пространства устроены деревянные места для дам, знатных зрителей и судей. Постройки эти сделаны наскоро, но все же не без затей; так, посередине возвышаются две башни, разделенные на ложи. Все эти места обвешаны коврами и флагами. По этой же стороне устроена эстрада для музыкантов, которые будут приветствовать победителей музыкой. Остальные стороны арены огорожены двумя параллельными деревянными барьерами. Проход между последними назначается для лиц, следящих за порядком, а за внешним барьером собирается народ. Барьеры раскрашены, а местами и позолочены.

Все уже собрались. Завтра – турнир. Весь городок расцвечен флагами. Из открытых окон доносится смех, говор и песни. Где-то танцуют. Пригородное поле представляет необычайно живую картину. Между сотнями разноцветных палаток движутся рыцари, оруженосцы. Сегодня, накануне турнира, произошло несколько поединков, а также состоялось состязание между оруженосцами (так наз. *eprouves, verges du tournoi*). Двое наиболее отличившихся будут удостоены рыцарского звания. Их посвящение придаст еще больше блеска целому ряду праздничных дней. Можно представить себе, с каким нетерпением ждут они своего посвящения!

А вот и ночь унеслась и уступила место свое ясному и теплему весеннему дню. Лес зеленеет молодой листвой, шумят потоки, в которых отражается яркое солнце, весело поют птицы. Весь городок опустел, опустели шатры, теперь все – под открытым небом. На установленном заранее алтаре местный священник служит вместе с другими духовными лицами, сюда прибывшими, торжественную мессу. С благословения Божия начинается всякое дело, тем более настоящее. Хотя церковь, по-видимому, бесплодно восставала против турниров и не в силах была уничтожить их совсем, но она много поспособствовала изменению их харак-

тера⁶. Прежде они были настоящими кровавыми битвами, теперь представляют только подобие их. Но при всем том турниры не были безопасными играми: здесь получались тяжелые ушибы, здесь участники нередко навсегда расставались с жизнью. С другой стороны, сколько надежд возлагалось на турнир многими из участников его! Как же не испросить благословения Божия? Как не помолиться? И молились, молились усердно. Участие в турнире считалось привилегией благородства; поэтому не всякий рыцарь допускался к нему, точно так же, как не всякий атлет допускался в античной Греции к участию в Олимпийских играх, этих турнирах древности. Дама, обиженная каким-либо рыцарем, могла жаловаться на него до начала турнира. Специально избираемые для турнира судьи рассматривали жалобу, и если находили ее основательной, то не допускали рыцаря к участию в турнире, что становилось для него, конечно, большим позором. Если же дамы прощали рыцаря, что обыкновенно и случалось, он возвращал себе утраченное было право. В Германии существовали особые параграфы турнирных правил, по которым не допускались к турнирам рыцари, совершившие что-либо предосудительное против императора или империи, изменившие своим сеньорам и сюзеренам, оскорбившие дам или девиц, уличенные в клятвопреступлении, в ограблении церковного имущества, в убийстве, в нарушении святости брака и отдававшие деньги в рост для наживы незаконных процентов. Там существовал параграф, на основании которого к участию в турнире допускался только тот рыцарь, отец, дед и прадед которого были людьми свободными. Вот почему местность, предназначенная для турнира, пестрела обыкновенно гербами, свидетельствующими о древности того или другого рыцарского рода. Здесь всегда были под рукой люди, которые могли свободно читать гербы и девизы (надписи на гербах) и давать желающим необходимые объяснения.

Едва окончилась месса, как герольды немедленно приступили к делу. Прежде всего следовало разделить все столпившееся рыцарство на две партии и соблюсти при этом требования справедливости. В данном случае старались, главным образом, чтобы и на той, и на другой стороне было, по возможности, одинаковое количество рыцарей и чтобы какая-либо из сторон не превосходила враждебную количеством особенно сильных и опытных рыцарей. После того те же герольды установили бойцов так, что образовалась целая процессия, каждый ряд которой состоял из 2—3 всадников. По сторонам – жонглеры, без которых не обходилось ни одно торжество, а во главе – герольды и судьи турнира вместе с почетным судьей (*chevalier d'honneur*), заблаговременно избранным. Интересна роль последнего. Он служил как бы посредником между присутствующими дамами и участвующими в турнире рыцарями. Как только он был избран, к нему подходили рыцари-судьи турнира в сопровождении двух красивейших дам и вручали ему головное дамское украшение, нечто вроде чепца или заколки. Он привязывал последнюю к своему копыю и не снимал ее в продолжение всего турнира. Если во время боя дамы замечали, что кто-либо из участников в турнире слишком ослабевал, они поручали почетному судье вступить за него. Дамский посредник спускал на такого рыцаря оригинальное украшение своего копия, и никто уже не осмеливался тронуть облагодетельствованного рыцаря. Самый чепец назывался поэтому дамской милостью (*la Mercy des Dames*). И это было действительно милостью в то время, когда и обыкновенные люди не задумывались перед жестоким поступком.

Теперь обе партии заняли свои места. Все участники поклялись перед судьями турнира в том, что не будут прибегать ни к каким непозволенным уловкам, не будут бить рыцаря, не защищенного шлемом, и т. п. Дожидаются только сигнала, чтобы начать борьбу. Вместе со своими рыцарями здесь же находятся и оруженосцы с запасом более легкого вооружения, которое наденут рыцари после окончания борьбы. Что касается оружия, которым

---

⁶ Папские буллы грозили отлучением от церкви участникам турниров, грозили лишением христианского погребения тем, кто будет убит на них.

будут сражаться, оно уже заранее осмотрено судьями турнира и найдено вполне подходящим для предстоящего дела. Но вот устроитель турнира подал сигнал. «Представьте себе, – говорит один из лучших знатоков рыцарской эпохи, – два кирасирских полка, налетающие друг на друга: ужасное столкновение! Каждый барон отыскивает того противника, которого он вызвал на борьбу, но, не находя его, нападает на других. Все мудрые исчисления нарушены, всякая симметрия становится невозможной, торжествует беспорядок... Друг другу угрожают, сталкиваются, друг друга опрокидывают. Но горе тому, кто сбит со своего коня, все другие кони пройдут по нему... Но самым большим наказанием для участников турнира следует считать пыль: она влетает в их ноздри, в их глаза; иные и умирают от нее, тщетно пытаясь дышать... Наши рыцари не бились бы с большим увлечением против язычников, и я думаю, что они кусались бы, если бы могли это делать». Рыцари в полном вооружении, головы их покрыты шлемами, в их руках длинные копья, но без острия на конце. Во весь карьер несутся они на конях друг против друга с копьями наперевес. У каждого – одна и та же цель: ударом копья сшибить своего противника с седла. Но это нужно сделать очень ловко, не задевая ни самого седла, ни ноги противника; не исполнивший этого требования лишается награды. Нередко копья ломаются вдребезги. При удачном ударе противника побежденный рыцарь падает со своего седла навзничь в полном вооружении. Бывали случаи, когда подобные падения причиняли моментальную смерть. Оруженосцы работают без устали. Герольды и судьи следят за борьбою; судьям уже заранее известны имена участников. В случае удачного удара его виновник поощряется к подвигам громкими одобрительными возгласами зрителей. Опытные рыцари, обыкновенно, не слишком увлекаются в начале, чтобы не ослабнуть преждевременно. Впрочем, участникам турнира дозволяется на короткий срок отходить в сторону для отдыха. Воспользовавшийся этим дозволением рыцарь снимает на время свой шлем и дышит, если не вполне, но все же более чистым воздухом.

Наш турнир еще не закончился сегодняшним днем; надо полагать, он растянется на несколько дней. Уже наступил вечер. Затрубили сигнальные трубы, и герольды стали очищать арену, сразу наполнившуюся толпами народа. Обломки оружия, куски материи, частицы золота и серебра, свалившиеся с богатых рыцарских одеяний, делались предметами спора и драки между простолюдинами. Участники, счастливо отделавшиеся сегодня, спешат весело в свои жилища; там они немедленно примут ванну и подкрепят свои силы. Зрители шумно направляются в город, в шатры, расположенные на поле, и в ближайшие деревни. Иных рыцарей несут домой на носилках. Если и не было сегодня нанесено кровавых ран, все же немало было сделано серьезных повреждений. Многие немедленно поступают в распоряжение врача, так как у них оказались серьезные переломы костей. Мы не станем следить за возобновлением и продолжением нашего турнира: такое описание было бы в высшей степени однообразным. Наш барон попал в число победителей, и судьи присудили ему в награду великолепный щит. Имя его провозгласили во всеуслышание и разнесут еще во все возможные концы. На общее пиршество, закончившее турнирные празднества, его вели вместе с другими победителями старые почтенные рыцари.

Первая награда обыкновенно присуждалась тому, кто выбил из седла большее число рыцарей, кто изломал большее число копий, сам крепко усидев на седле. В случае спорного вопроса к решению привлекали дам. Что касается наград, они бывали различны; бывали и незначительные по цене, бывали и ценные. Давали охотничьих птиц, щиты и тому подобные предметы. В XIII в. ландграф Тюрингский Герман устроил турнир в Нордгаузене. У места турнира был разбит сад, посередине которого поставлено дерево с золотыми и серебряными листьями. Всякий разбивший копье нападавшего, но удержавшийся в седле, получал серебряный, а выбивший противника из седла – золотой листок.

Что же еще прибавить о сегодняшнем турнире? Много было поломано копий, немало было разбито и надежд. Многие из небогатых рыцарей так поистратились на наряды женам и на свое вооружение, что долго не забудут о турнире, порасстроившем их домашние финансы.

Возвращение победителя с турнира.

Судебные поединки

Судебный поединок (*le duel judiciaire*, *gerichtlicher Zweikampf*) принадлежит к разряду таких явлений средневековой жизни, знакомство с которыми приоткрывает завесу, скрывающую мирозерцание обитателей средневековых замков и вообще средневекового человека. Случай, так или иначе решающий исход борьбы, случай, зависевший большей частью от каких-либо заранее сложившихся причин, представлялся в глазах средневекового человека проявлением божественной правды. Торжествует одна сторона, побеждается другая. Мы объясняем себе это или не осознанным заранее неравенством сил, материальных и духовных, с несомненным перевесом на стороне победившей, или просто какой-либо случайностью, независимой от той и другой стороны, порешившей дело так, а не иначе. Средневековый человек видел в этом проявление какой-то посторонней силы, будет ли то сила добрая или злая. При таком взгляде он должен был сделаться, конечно, рабом предрассудков, суеверия, нередко приносивших ближним его величайшие несчастья. Вера в волшебство, обвинения в сношениях с нечистой силой, сожжение за колдовство, – все это результаты того взгляда, о котором мы только что говорили. Господству того же взгляда обязаны были своим существованием судебные поединки. В тех случаях, когда обвинитель был не в состоянии очевидными фактами доказать правоту своего обвинения, а обвиняемый – свою невинность, прибегали к так называемому *Божьему суду*. Чтобы узнать волю Божию, Божественное решение, употребляли различные средства, одинаково непозволительные и запрещавшиеся церковью: испытывали обвиняемого холодной водой, кипятком, раскаленным железом, огнем. Все эти виды испытания заключались в следующем. Обвиняемого кидали в заранее освященные (несмотря на папские запрещения) пруд или реку, причем, если он не погрузился, а сразу же плыл, объявляли его виновным. Заставляли обвиняемого опускать руку по локоть в котел с кипящей водой. Обвиняемый, чтобы доказать свою невинность, брал в руки кусок раскаленного железа на известный срок или проходил босыми ногами по 9—12 раскаленным сошникам или вообще железным пластинкам. Отсутствие ожогов или их незначительность свидетельствовали о правоте обвиняемого. Наконец, испытание огнем заключалось в том, что обвиняемый, желающий доказать свою невинность, должен был невредимо пройти сквозь пылающий огонь, причем в таких случаях на него надевалась иногда рубаха, пропитанная воском. Вот именно к такого же рода испытаниям, называвшимся *ордалиями* (*ordalies*, *ordal*), принадлежат и судебные поединки. Познакомимся поближе с этим явлением.

Обе стороны, обвинитель и обвиняемый, являлись к графу или к своему сеньору. Здесь обвинитель громким голосом высказывал свое обвинение или жалобу и бросал при этом на землю перчатку или нарукавник в знак того, что он вызывает обвиняемого на бой, который должен будет подтвердить справедливость обвинения или жалобы. Обвиняемый должен был поднять брошенную вещь и обменять ее на свою в знак того, что принял сделанный ему вызов. После этого их отводили в темницу, находящуюся в замке сеньора, где они жили до дня, назначенного для поединка. Они, конечно, могли быть выпущены на свободу, но под условием выставить поручителей.

Между тем приготавливалось место, где должен был произойти поединок. Огораживали часть поля. Устраивались места для судей поединка и знатных зрителей. На концах отведенного под поединок места устраивались еще два круга для обоих действующих лиц.

Когда наступал назначенный день, с самого раннего утра (поединок происходил обыкновенно очень рано, часов в шесть утра) масса народа окружала место поединка. Чтобы устранить возможность вмешательства со стороны публики и каких-либо столкновений между приверженцами той или другой стороны, заблаговременно выставлялся сильный

караул. Оба противника являлись в полном вооружении. Перед крестом и Евангелием, а иногда и над мощами, они клялись в правоте своего дела, а также в том, что не прибегнут к колдовству. Герольд выкрикивал на четыре стороны обращение к зрителям, призывающее к сохранению тишины; ни крик, ни жест не должны были помешать бьющимся; все должны были воздержаться от какого бы то ни было вмешательства в дело. В противном случае виновного в нарушении этого правила постигнет серьезное наказание: рыцарь может лишиться руки или ноги, а простолюдin головы. Когда все приготовления были окончены, обвинителю и обвиняемому отмеривали одинаковое пространство или, как тогда выражались, «одинаковое количество поля, ветра и солнца». Сколоченный из досок забор, ограждавший поле, накрепко запирался. После этого главный распорядитель подавал знак к началу боя, произнося громко установленные на этот случай слова (*laissez – les aller*).

Бой начался. Оба противника, крепко держа под рукою копьё и направляя их друг против друга, несутся сперва галопом, а затем в карьер. Копьё расщепляются о щиты. Кони вздымаются на дыбы. Враги сталкиваются таким образом уже в четвертый раз. Но вот с одним из них случилась неудача: лопнула подпруга, седло съехало с места, он слетел на землю. Обыкновенно в судебных поединках при таких обстоятельствах не церемонятся, а напротив, пользуются своим преимуществом и неудачей врага. Но сегодня противник упавшего поступил истинно по-рыцарски: дал время своему врагу оправиться и сам покинул седло. Тогда они взялись за мечи, чтобы продолжать борьбу без лошадей. Сначала они фехтуют, но в скором времени, забросив щиты на спину, схватывают мечи обеими руками и наносят друг другу беспощадные удары. Долго они бьются. Отдыхают немного и снова принимаются за борьбу. Дело подвигается вперед. Один из них несомненно уступает, он обессилел и падает на землю. Другой, чтобы не дать ему возможности снова подняться на ноги, кидается к нему, срывает с него шлем, заносит над ним кинжал и предлагает ему на выбор: или, отказавшись от своего обвинения, объявить себя клеветником, или сейчас умереть. В это время к ним подходят несколько человек из стражи, чтобы быть свидетелями их разговора. Любя жизнь, предпочитая позор смерти, побежденный сдается. Его вытаскивают с места боя за ноги, его шлем разламывают на части, остальное оружие и конь остаются в пользу распорядителей и судей.

Кроме личной борьбы, на судебных поединках допускалось еще выставлять за себя бойца. Победа или поражение последнего считались равносильными победе или поражению лица, представителем которого является боец. Таким правом пользовались женщины, духовные лица, больные люди, наконец, лица, имевшие менее 21-го года и более 60-ти лет от роду. В рыцарских романах довольно часто изображается оклеветанная девушка, которая посылает гонцов к какому-либо рыцарю с просьбой прийти в известный день и час на известное место, чтобы с оружием в руках защитить ее поруганную честь. Рыцарь обыкновенно спешит, не щадя своего коня, но все же не поспевает к назначенному часу. Общее волнение: кто рад, кто печалится. Враг уже торжествует победу, но вот внезапно появляется на арене желанный рыцарь, и все оканчивается, разумеется, вполне благополучно.

Иллюстрацией к сказанному может служить поэтическое и поучительное сказание о рыцаре Лознгрине. Вот в чем заключается его содержание.

Молодая и прекрасная Эльза, осиротевшая дочь герцога Брабантского и Лимбургского, подверглась преследованиям со стороны Фридриха фон Тельрамунда, одного из вассалов ее покойного отца. Он преследует ее под тем ложным предлогом, что она обещала ему выйти за него замуж, и хочет во что бы то ни стало принудить ее к ненавистному ей браку. Напрасно отвергает она свое мнимое обещание, Фридрих фон Тельрамунд стоит на своем. Необходимо прибегнуть к судебному поединку, но ни один боец не отваживается биться за Эльзу: так боятся все ее могущественного преследователя. Эльзе остается ждать чуда, и она обращается с горячей молитвой к Богу. Распростершись пред алтарем своей замковой капеллы, она

заливается слезами и звонит в золотой колокольчик. Чем дальше несется его звон, тем сильнее он становится. Наконец он проникает за облака, в тот таинственный, волшебный замок, где пребывают избранные рыцари, где живут они среди чудес, совершающихся вокруг святого Грааля, того сосуда, который был в руках Спасителя во время Тайной вечери, в который стекала с креста Его Божественная Кровь. Там услышана горячая молитва несчастной Эльзы: там нашелся для нее защитник; зовут его Лоэнгрином.

Спустя несколько дней к Антверпену подплыл белый лебедь. Он привез за собою ладью, а из этой ладьи вышел чудесный рыцарь. Он сразился за Эльзу с могучим и вероломным Тельрамундом и убил его на поединке. Эльза была спасена: правда была на ее стороне. Благодарная Лоэнгрину, она сделала то, что нередко делали девушки средневековой поэзии, – предложила Лоэнгрину свою руку. Лоэнгрин женился на ней с тем условием, чтобы она никогда не ставила ему вопроса о его происхождении, так как в противном случае она рискует потерять его навсегда. Прошли года счастливой во всех отношениях брачной жизни. Самой Эльзе и в голову не приходило нарушать поставленное Лоэнгрином условие. Но враги Эльзы, желая разрушить ее счастье, стали распускать слухи о темном происхождении ее мужа. Не веря этим злым слухам, Эльза тем не менее не смогла сдержать себя и предложила Лоэнгрину после долгих и тяжелых колебаний роковой вопрос. Лоэнгрин исполнил ее желание, объяснил ей тайну своего происхождения, но, обеспечив владениями своих сыновей, навсегда покинул прекрасную и дорогую для него Эльзу. Святой Грааль непреодолимой силой влек его к себе. Тот же лебедь приплыл за ним, и та же ладья увезла его в ту чудную страну, в тот таинственный, волшебный замок, который он покинул когда-то для спасения Эльзы, преследуемой Тельрамундом.⁷

Судебный поединок. Этот рисунок представляет собой воспроизведение миниатюры, украшающей одну рукопись XV столетия. Ангел, парящий над местом поединка, прекрасно олицетворяет идею средневекового поединка, выше разъяренную.

⁷ Желаящим ознакомиться с рыцарской поэзией указываем на нашу книгу «Трубадуры, труверы и миннезингеры».

Очень часто к судебным поединкам прибегали в делах особенно большой важности, в тех случаях, например, когда за преступление, в котором обвинялось данное лицо, грозила смертная казнь. В таких случаях немедленно же по окончании поединка производилась жестокая расправа. Побитого, а следовательно, по тогдашней логике, преступника, вытаскивая указанным выше способом с места боя, сейчас же предавали смертной казни. Бывали случаи, когда казнили бойца, проигравшего чужое дело, а вместе с ним и обвиняемого, и державшего его сторону свидетеля, если таковой был. Если в числе двух последних лиц была женщина, она безжалостно сжигалась на костре. Сожжение, к которому так часто тогда прибегали, производилось следующим образом. На месте, назначенном для совершения казни, врывали в землю столб. Кругом этого столба накладывали ряды дров, перемешанные со слоями соломы, до тех пор, пока все это не достигало известной вышины (почти человеческого роста). При этом оставлялось свободное пространство вокруг столба и довольно узкий проход к последнему. С обвиненного снимали платье и надевали на него длинную напitanную серой рубаху. Затем его подводили к столбу и привязывали к нему веревками и цепями. Проходное отверстие закидывали дровами и соломой и сразу с нескольких сторон зажигали костер.

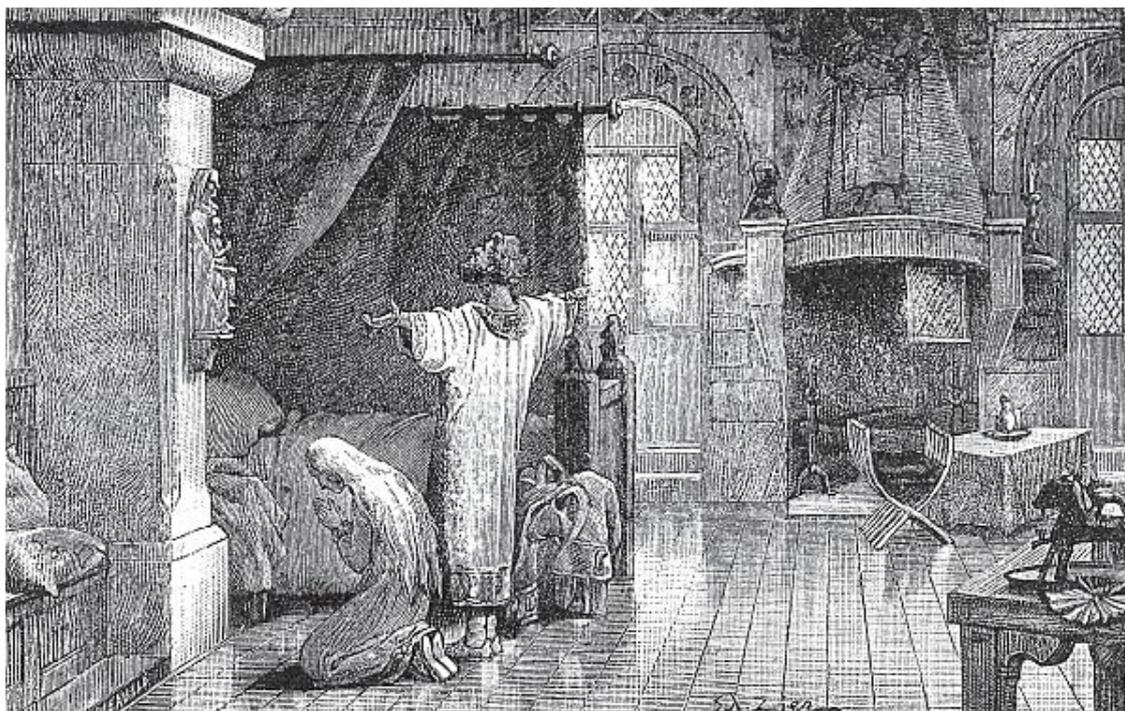
Судебные поединки были распространены не только среди рыцарей, но и среди городского населения. Горожане бились в красных рубахах, красных же панталонах и чулках, но без башмаков. Их стриженные головы оставались непокрытыми. Оружием служили большие щиты и жгуты из воловьих жил с шишками наверху и костяными наконечниками внизу. Рыцарь, вызвавший на поединок простолюдина, бился оружием простолюдина; если же простолюдин вызывал рыцаря, последний сражался на коне, в рыцарских доспехах.

Среди семьи

В постели нашего барона еще горит свеча в высоком канделябре, светившая целую ночь, а в узорчатые стекла окна проник первый луч восходящего солнца. Осеннее свежее утро. Резко прозвучала труба с вершины главной башни. В пустом лесу ответил ей отголосок. Привыкший вставать в эту пору барон пробудился ото сна. Когда он надел на себя белье, на ночь вешавшееся у постели, а сверх белья накинул нечто вроде мехового халата (*pelise, belz*), в комнату явились два прислужника и принесли лохань, металлический кувшин с водой и полотенце. Но кроме обыкновенного умыванья наш барон очень часто принимает утреннюю ванну, которая иногда вся закидывается розами или розовыми лепестками. Умывшись и причесавшись гребнем, барон встал на колени перед изображением святого, помещающимся, как вам известно, тут же, вблизи постели. Спустя некоторое время, уже окончательно одевшись с помощью прислужников, он отправляется в капеллу в сопровождении своей жены. Выслушав краткую мессу и приветствие от своего капеллана, они проходят в большую залу, где подкрепляют себя завтраком в кругу собравшихся членов семьи. Взрослые дочери только что явились: так много времени отнял у них туалет! Впрочем, особенно долго занимались этим, когда поджидали гостей. «Если бы вы могли видеть, – говорит один средневековый французский поэт, – в этом замке, как причесываются дамы и девушки. Одной затягивают волосы, другую зашнуровывают, третья спрашивает у сестры: «Сестрица, хороша ли я?» «В тебе нет недостатка, – отвечает сестрица, – а какова я?» Четвертая говорит своей девушке: «Скажите, ради Бога, хорош ли у меня сегодня цвет лица?» «Лучше, чем у кого бы то ни было на свете», – отвечает девушка. Большею частью барон в это время уже покидает замок, но сегодня он остается дома целый день. Позавтракав, он пошел вместе со старшим сыном обозреть свое обширное и сложное хозяйство: это занятие отнимет у него время до самого полудня, до обеда. Супруга барона отправилась к собравшейся у ворот замка толпе нищих и калек, чтобы раздать им обычную милостыню. Среди бедняков, посетивших сегодня замок, оказался престарелый пилигрим, возвращающийся из далекого странствования. Он одет в серое платье, на котором вышиты раковины, и обут в кожаные сапоги. За его спиной висит сума, а на боку спускается с перевязи дорожная плетеная фляжка. В правой руке у него крепкий посох. Широкополая шляпа довершает его скудный наряд. Хозяйка замка, тронутая усталым видом странника, желая вечером послушать его рассказы, наконец, следуя обычаю, предложила ему отдохнуть в замке и переночевать в нем. Исполнив дело милосердия, она отправилась в женские помещения, где ее прихода ждали домашние работницы: тут сейчас начнут шить, вышивать, прясть – одним словом, примутся за обыденные работы. Наконец, на ее руках двое маленьких детей, из которых старшему еще не исполнилось семи лет, а до этого срока дети находились на исключительном попечении матери. Если прибавить к этому обширное хозяйство, вы легко поверите, что у супруги нашего барона дел довольно. Хорошо еще, что у нее так много помощниц. А другим матерям, поставленным в худшие условия, такое пренебрежение мужа к маленьким детям, конечно, было в тягость. Устами средневекового французского поэта одна из матерей жалуется по этому поводу следующим образом:

Il y a jusques a sept ans
Et plus encore trop de peris,
Mais il n'en chaut a nos maris

(до семилетнего возраста и еще долее слишком много опасностей, но нашим мужьям до этого нет дела).

Утренняя молитва.

Более взрослые дочери барона отправились в свою комнату, где будут заниматься рукоделием, разговором, пением и чтением недавно попавшего в их руки рыцарского романа. Так проходит время до полудня. Звук трубы призывает к обеду. Сегодняшний обед совершенно, конечно, не похож на те званые обеды, которые от поры до времени задаются нашим бароном. Он гораздо скромнее: два мясных блюда, рыба, овощи, в заключение обеда сыр и фрукты. Питьем служат вино, пиво, мед, настойки (например, вишневка). После обеда барон отправился отдыхать; остальные члены семьи разбрелись в разные стороны: кто отправился в замковый садик играть на открытом воздухе, кто углубился в шахматную игру, к которой, по пробуждении, присоединился и барон. Одна из его дочерей читает вслух своему старшему брату недавно приобретенный рыцарский роман. Чтение было прервано на время прибывшим в замок продавцом дамских украшений. Вот он отложил в сторону свою обитую железом палку, снял со спины ящик с товарами. Скоро он был окружен обитательницами замка и продал почти все свои товары. Так как близился вечер, а небо заволкло тучами и начиналась осенняя буря, продавцу предложили переночевать в замке. Хозяйка вспомнила о пилигриме и велела позвать его в залу. Там слуги уже хлопотали около камина, стараясь развести огонь. Послушать странника собралась вся семья и наиболее близкие к ней из живущих в замке. Страннику были предложены обычные вопросы: откуда он? что пережил? каково было его странствование? Не в первый раз пришлось говорить ему перед большими господами: странники в ту пору были самыми желанными гостями в замке, так как они своими рассказами удовлетворяли религиозное чувство его обитателей и их любознательность и вносили свежую струю в их однообразную жизнь. Вот почему, не смущаясь, он начал свой рассказ, и речь его лилась непрерывно. Был он в городе Риме, откуда и возвращался к себе домой. Рим, обгаренный кровью христианских мучеников, начиная с первых веков христианства был религиозным центром, куда направлялись пилигримы со всех концов Западной Европы. Толпы сменялись толпами. Бывали дни, когда собиралось до миллиона пилигримов. Кроме главной святыни Рима, базилики св. Петра, наш странник побывал и в других римских церквях. Он рассказал своим слушателям, что удостоился видеть ясли Господа в церкви св. Марии; поднимался на коленях по святой лестнице (*la scala santa*), на которую

упали капли Христовой Крови и которая была перевезена в Рим из Иерусалима; посетил церковь св. Павла, что на трех источниках; там он видел, как бьют из земли три струи воды на том самом месте и с того самого времени, когда голова св. Апостола Павла упала с плеч под ударом палача. С каким живым интересом внимают слушатели описанию катакомб! Пред ними, как по мановению волшебного жезла, воздвигнулись эти бесконечные перекрещивающиеся коридоры с их нишами, гробницами, изображениями на стенах. Но воображение не остановилось на этом. Оно переносит слушателей в первую эпоху христианства, в эпоху первых христианских мучеников, которые, как истинные рыцари, умирали за веру Христову. Далее пилигрим рассказывает обитателям нашего замка, как из Рима он отправился в Бари на поклонение мощам епископа Мир Ликийских, святителя Николая. Он рассказал им о том, как сорок граждан города Бари отправились в Малую Азию за мощами св. Николая, чтобы не оставались они в руках сарацин. По желанию барона и его супруги пилигрим, окончив рассказ о своем путешествии в Италию, познакомил их со своим прошлогодним странствованием в Испанию на поклонение мощам св. Иакова (Santiago). Он сообщил им вместе с тем и предания об отправлении св. Иакова в Испанию и о построении храма во имя Пресвятой Богородицы (Nuestra Señora del Pilar) в Сарагосе. Их он слышал в Испании. После Вознесения Господня, рассказывает он, и Сошествия Святого Духа св. Иаков простился с братом своим Иоанном Богословом и пошел к св. Деве Марии, чтобы испросить у Нее благословение на избранный им далекий путь. И св. Дева Мария сказала ему: «Дорогой сын, так как ты избрал для проповеди Слова Божия Испанию, Мою любимейшую страну из всех стран Европы, не забудь построить там во имя Мое церковь в том городе, где ты обратишь ко Христу большее число язычников». После этого св. Иаков покинул Иерусалим, переплыл Средиземное море и прибыл в Таррагону, где, несмотря на все свое усердие, обратил в христианство всего восемь человек. Но вскоре совершилось чудо. Однажды ночью св. Иаков и восемь вновь обращенных им спали на равнине в том месте, где стоит теперь Сарагоса. Пение, доносившееся с небесных высот, разбудило спавших: то ангелы пели хвалу Пресвятой Деве Марии. Дивное сияние разлилось вокруг них. Св. Иаков пал ниц и увидел перед собою Богоматерь. Она возвышалась над яшмовым столбом. Ее окружали ангелы. Неизреченной добротой светился Ее лик. И Богоматерь сказала св. Иакову: «Сын Мой, Иаков, выстрой Мне церковь на этом самом месте. Возьми столб, который ты видишь подо Мною, и поставь его посреди новой церкви, а на нем установи Мое изображение: здесь будут совершаться неисчислимые чудеса во веки веков». Св. Иаков сейчас же принялся за работу со своими учениками, и церковь была воздвигнута (pilar по-испански – столб). Долго лились речи странника. Жадно, с полной верой, слушали его обитатели нашего замка. Слова странника они слагали в сердцах своих. Как будто на таинственных крыльях возносились они над повседневной жизнью своей, оставляя здесь, на земле, свои бранные оболочки, умирая для житейских попечений. Окончил странник рассказ свой и, утомленный, пошел на отдых. Еще некоторое время слушатели были взволнованы; им казалось, будто странник не переставал говорить, не скрывался за дверь. Между тем за стенами замка совершенно стемнело, и разыгралась настоящая буря. В окна хлещет дождь. Ветер, врываясь кое-где, завывая, заставляет всех подвинуться поближе к камину. А камин разгорелся теперь во всю свою вышину. Здесь же расположились и служители замка. Зала, лишенная своих праздничных украшений, выглядит мрачно. Кое-где сверкает оружие, кое-где на стене трепещет тень оленьих рогов. Камин – любимое место всей семьи. Тут рассказывают бесконечные истории, а иногда и поют. Сегодня, например, старшая дочь барона спела по просьбе всех недавно выученную ею песню, произведение одного из известных трубадуров. Поэт выразил в ней чувство, знакомое сердцам обитателей и обитательниц средневекового замка. Вот она в буквальном переводе:

«Вблизи источника в саду, при песчаной дорожке, под тенью плодового дерева, где распевали птицы, на ковре из зеленой травы и белых цветов я нашел одинокою ту, которая не желает мне счастья.

Это премилая девушка – дочь сеньора, владетеля замка. Я вообразил, что она пришла туда насладиться весной, зеленью и пеньем птиц; я полагал, что она охотно склонит свой слух к моему предложению. Но вышло совсем иное.

Она принялась плакать у самого источника и, вздыхая из глубины сердца, сказала: ”О Иисус, царь мира, из-за Тебя несу я столь большое горе. Обиды, Тебе нанесенные, падают на меня, ибо сильнейшие в этом мире идут за море служить Тебе; так хочешь Ты!

И он также ушел, он, мой прекрасный друг, мой милый и сильный друг. Я осталась здесь одна, чтобы тосковать по нем, плакать, сокрушаться. Ах! Какое нехорошее намерение возымел король Людовик, приказавший двинуться рыцарям в этот крестовый поход, который принес моему сердцу столько горя!”

Когда я услышал, что она сокрушается о своем жребии, я приблизился к ней вдоль светлого ручейка: ”Прекрасная, – сказал я ей, – свежий цвет и красота лица увядают от слишком большого плача. Вам не следует отчаиваться: Тот, Кто одевает листвою леса, еще может доставить вам радость!”

”О, сеньор! – сказала она. – Я верую в то, что Бог смилостивится надо мною когда-нибудь в другой жизни, как и над многими другими грешниками. Но между тем Он отнимает от меня на этом свете того, который составлял мою радость, того, кого я так худо берегла и который теперь так далеко от меня!”»⁸

Хозяйка замка.

⁸ Это произведение принадлежит трубадуру XII в. Маркабрю (Marcabrus). В этом грациозном стихотворении упоминаются второй крестовый поход, крайне неудачный для христиан, и французский король Людовик VII, его предпринявший.

Среди семьи.

За мирными и приятными беседами время незаметно приблизилось к ужину. После него перед отходом ко сну хозяева выпили по кубку вина. Удостоверившись из доклада своего управителя, что все спокойно, а стражи на своих местах, барон отправился в опочивальню.

Там тлеи уголья в камине, порой ярко вспыхивая, а за стенами замка неистовствовала осенняя буря.

Осада замка

Коротки были периоды мирной жизни рыцаря, сопровождавшиеся наслаждением среди родной семьи. Большая часть жизни проходила вне семейного круга и была посвящена бесконечным войнам: приходилось или самому идти войной, или защищаться от нападения, отбиваясь в своем неуютном, но крепком замке. Вот как отзывается, например, граф Анжуйский Фуке (Fouque) о жизни своего дяди Жоффруа: «Мой дядя был посвящен в рыцари при жизни своего отца и прежде всего направил свое оружие против соседей. Он дал две битвы: одну – графу Пуату, другую – графу Мэнскому, причем взял в плен и того, и другого. Он воевал со своим отцом. Сделавшись после смерти своего отца владельцем графом Анжуйским, он воевал с графом Блуаским, взял его в плен вместе с тысячью рыцарей и принудил его уступить Турень. Потом он вел войны с Вильгельмом Нормандским, с графом Блуаским, с графом Пуату, с виконтом Туаре, с графом Нантским, с двумя бретонскими графами, с графом Мэнским, изменившим клятве верности. За все эти войны и за мужество, проявленное им, его прозвали Молотом (Martel). Свою жизнь он окончил хорошо, так как в ночь, предшествовавшую кончине, постригся в монахи в монастыре св. Николая, благочестиво построенном им вместе с отцом и богато одаренном». Это краткое описание Жоффруа весьма характерно для жизни средневековых сеньоров и вообще всего рыцарства. Война, война и война – вот ее главное содержание. Война подчас из-за пустяка. Суть дела заключалась не столько в реальных причинах, не столько в тех выгодах, которые она могла принести в случае удачного конца, сколько в стихийном стремлении к войне и ко всем опасностям и лишениям, с нею связанным.

Повсюду мир – а все ж со мною
Еще немножечко войны.
Тот да ослепнет, чьей виною
Мы будем с ней разлучены!

Их мир не для меня,
С войной в союзе я,
Ей верю потому,
А больше ничему.⁹

Необходимо было тратить на что-нибудь избыток сил, цветущего здоровья, свободного времени. В свою пору подойдет неизбежный конец, когда можно будет подумать о Боге и о своей душе.

Если военные предприятия вообще заставляли переносить множество невзгод и лишений, особенно тяжелой была необходимость защищать от налетевшего врага свое собственное родовое достояние, свой замок, крепкую защиту своей свободы. Осада замка – одна из наиболее живых и в то же время тяжелых страниц в книге жизни его обитателей.

В наше время война – явление международное. Тогда каждый рыцарь имел *право войны* и дорожил им, как своим неотъемлемым сокровищем. Один сеньор, объявляя войну другому, посылал последнему или перчатку, или две-три шерстинки из своей меховой одежды. То был символ вызова, ответом на который была война. Тотчас же вассалы и родственники группировались как на одной, так и на другой стороне. Не заставляли долго ждать себя и враждебные действия. Один нападал на домены (владения) другого, угонял скот его несчастных

---

⁹ Стихотворение Бертраана де Борна. См. нашу книгу «Средневековый город».

крестьян, жег их жалкие жилища, осаждал его замок, стараясь захватить в плен и самого замковладельца, чтобы получить с него соответственный выкуп. Злополучное право войны существовало в некоторых местностях Франции до конца XV века.

Обитатели города или замка, которым грозила осада, должны были запастись водой, вином, съестными и боевыми припасами. Не довольствуясь источником, от которого их могли легко отрезать, жители рыли колодцы и устраивали цистерны для скопления дождевой воды. Чтобы избежать голода, запасались просом, которое не так скоро портится, соленым мясом и солью. В то же время удаляли всех тех, кто не в состоянии был принести пользу, угрожая быть только лишним ртом. Так поступили, например, англичане, когда французы осаждали в 1204 году замок Gaillard. Бывали случаи, что таких злополучных людей не принимали ни та, ни другая сторона, и они бедствовали целыми месяцами. Кроме съестных припасов необходимо было иметь как можно больше оружия, орудий, каменных ядер, а также свинца, смолы и масла.

В свою очередь осаждающие, запасшись всем необходимым и расположив свой лагерь перед укреплением, старались всячески воспрепятствовать населению осажденного замка или города иметь под руками предметы первой необходимости. С этой точки зрения наиболее выгодным временем года для осаждающих считалось лето: в эту пору и дождей выпадает меньше, и хлеба еще не созрели, а старые запасы бывают уже на исходе. Если осаждающие рассчитывали довести осажденных до сдачи жаждою, то всячески мешали им пользоваться источником, перекапывали его, бросали в воду трупы людей и животных. Чтобы довести осажденных до необходимости сдаться из-за голода, отрезали их укрепления от сообщений с теми, кто мог доставлять им съестные припасы. Всех попадавших в плен из обитателей осажденного пункта, изувечивали, то есть лишали их дееспособности, и в таком виде принуждали вернуться восвояси уже в качестве лишних нахлебников. Так поступил при осаде г. Фаэнцы в 1241 году Фридрих II с беззащитными женщинами, девушками и детьми. С жителями окрестных мест, пытавшимися доставлять осажденным съестные припасы, поступали весьма жестоко. Фридрих Барбаросса, осаждавший в 1161 году Милан, приказал отрубить руки тем жителям г. Пьяченцы, которые будут снабжать миланцев провиантом. В один злополучный день двадцать пять несчастных подверглись этой ужасной расправе.

Не ограничиваясь указанными мерами, прибегали в подходящих случаях и к следующей. Магдебургский епископ Вихман запрудил реку и вызвал таким способом в осажденном им укреплении гибельное наводнение.

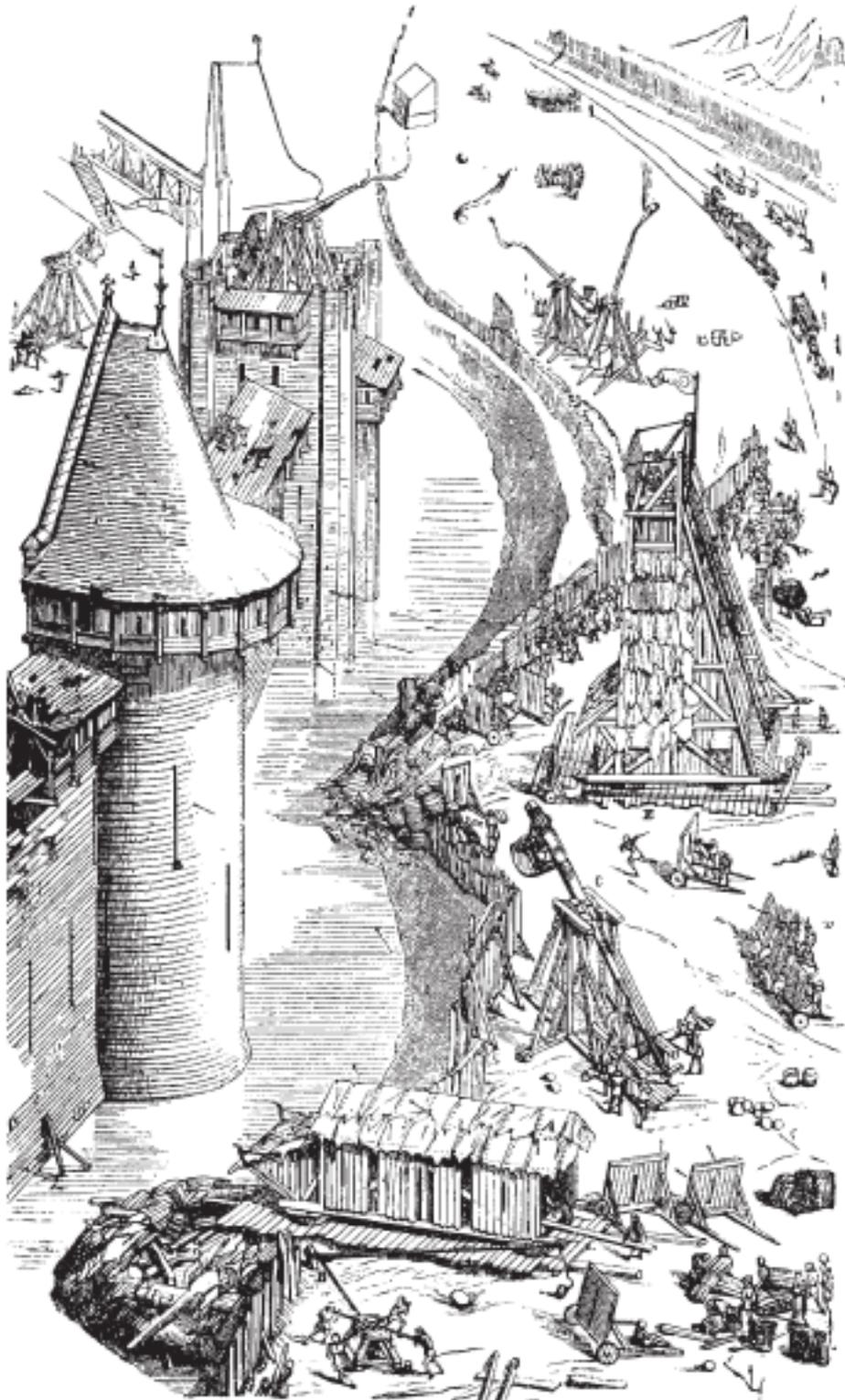
Осажденные, в свою очередь, ставили различные препятствия, чтобы помешать неприятелю приблизиться к стенам: выкапывали рвы, устраивали палисады, заваливали рвы металлическими остриями, применявшимися во Франции и носившими там название *chaussetrape*. Кроме обычных укреплений для защиты подножия стены приделывали к ней выступные балконы, так называемые *мушараби*. Последние снабжались в полу отверстиями, благодаря которым можно было лить на врагов кипящую смолу, масло или даже расплавленный свинец. Сперва мушараби сооружались из дерева и на время, а потом стали делаться из камня и превратились в постоянную принадлежность как городских, так и замковых стен.

Конечно, все описанные предосторожности возможно было предпринимать лишь в тех случаях, когда осада не являлась неожиданным бедствием.

Перед началом враждебных действий осаждающие требовали сдачи укрепления, сопровождая такие требования угрозами. Осажденные смеялись над неприятелем, стараясь так или иначе оскорбить его. Так, при осаде Акры крестоносцами турки, находившиеся на ее стенах, позволяли себе издеваться над поставленными с этой целью священными изображениями христиан. Если осажденные в ответ на требование сдачи укрепления вывешивали за зубцами стены щит, это указывало на их готовность к решительному сопротивлению.

Если осажденные еще до прибытия врага воздвигали целый ряд новых укреплений, то и враги их прежде всего должны были подумать об укреплении своего лагеря. Дело в том, что осажденные, пользуясь темными ночами, могли совершать вылазки и вторгаться в неприятельский стан. Здесь они зажигали неприятельские палатки, разрушали осадные орудия и избивали не ожидавших внезапного нападения врагов. Вот почему неприятели обыкновенно располагались лагерем не слишком близко к осажденному укреплению и в свою очередь укреплялись: опоясывали лагерь рвами, воздвигали на валах палисады и даже башни. Временами в промежутке между лагерем осаждающих и осажденным укреплением завязывались настоящие битвы, уносившие большое количество жертв.

Когда осаждающие разрушили и забрали в свои руки все временно устроенные преграды, им оставалось еще много дел, которые необходимо было выполнить, чтобы добраться до стен укрепления. Нужно было покончить с барбаканом, завладеть палисадом и рвом. Если в нем не было воды, его забрасывали сухим деревом и зажигали последнее. Поступали также следующим образом. Подкатывали брандеры (деревянные постройки, пропитанные смолой и маслом), зажигали их и сбрасывали в ров. Загорались палисады. Огонь быстро распространялся на деревянные части укрепления. Так поступил Фридрих II при осаде Витербо в 1243 году. Наконец, просто засыпали ров землей и забрасывали деревьями.

Осада.

В это время защитники укрепления метали со стены в осаждающих стрелы и камни. Приходилось тем же способом удалять защитников укрепления с его стен, чего было нелегко достигнуть, и в то же время, пользуясь малейшей слабостью врага, продолжать наступательное движение к стенам замка.

Против осажденных одновременно действовали и явно, и скрытно. Действовали явно как ручными снарядами, пускавшими стрелы, так и более или менее крупными и

даже весьма крупными военными машинами, осыпавшими осажденное укрепление градом каменных ядер. Невидимо готовили врагу гибель, работая над прорывом мин или подземных коридоров по направлению к осажденному пункту. Начало подземного хода маскировалось обыкновенно или палаткой, или какой-либо иной постройкой. Рытье мин требовало и больших усилий, и немалой сноровки. Эти ходы приходилось устраивать глубоко, во всяком случае, глубже окружающих стены укрепления рвов.

Целью минеров было докопаться до самой стены. Приходилось не только рыть мины, но и вывозить из них вырываемую землю незаметно для осажденных. Прорывшись под стену, сразу же укрепляли ее деревянными подпорами, чтобы она, обвалившись, не погубила самих работников. Прорывши мины под стеною в нескольких местах, минеры зажигали деревянные подпоры, последствием чего было разрушение стены, обломки которой, падая в ров, способствовали его заполнению. Но минеры могли прокапываться и дальше, подготавливая таким образом неожиданное нападение на любой пункт осажденного укрепления. Особенно славились в средние века искусством рытья мин жители нижнего Рейна.

Чтобы удалить от себя ту опасность, которую приводило за собой удачное прорывание мин, осажденные должны были проявлять чрезвычайную бдительность и на неприятельские мины отвечать своими контрминами. При осаде г. Рена в 1356 году правитель города, опасавшийся неприятельских мин, велел поставить в различных местах медные бассейны, заключающие в себе по несколько медных шаров. Приборы эти стали объектами серьезного наблюдения: если шары шевелились или дрожали, это указывало на близость неприятельских минеров. Переменная стража бодрствовала целую ночь, чтобы при малейшем подозрении опасности оповестить о ней звоном колокола. Иногда ночных стражей заменяли друзья человека – собаки. Выкапывая встречные мины, осажденные добивались до подземных врагов, прогоняли их оттуда и разрушали все их дело. Иногда происходили под землей настоящие схватки. Но не всегда можно было рыть мины. Препятствиями в таких случаях были или каменистая почва, или слишком глубокие рвы. Тогда поневоле вся надежда возлагалась на военные машины, имевшие различные назначения. Все они по своему назначению могут быть разделены на три категории: машины *метательные*, *ударные* и *подступные*. Одни из них действовали на расстоянии, другие – вблизи.

Все машины, действовавшие издали и отличавшиеся друг от друга незначительными видоизменениями и названиями, соответствовали катапульте¹⁰ древних. Каждая из них представляла весьма большую и даже иногда гигантскую пращу, приводимую в действие многими людьми и бросающую в осажденное место куски камня или каменные ядра. В Германии *каменеметательные* орудия назывались *Mangen*, *Petret*, *Bleiden* или *Bli^den* и т.д., во Франции – *Mangonneau*, *Bricole*, *trebuchet*, *trabuch*; в книжном языке употреблялись и латинские названия, как, например, *Trabucium*, *Tripantum*, *Blida* и пр.

Представить себе ясно во всех мелочах каждую из них, понять все подробности ее технического устройства мы не в состоянии, так как и ученые специалисты (*Violet le Duc*, *Alwin Schultz*) не всегда согласны между собой и довольствуются только гипотезами. Да такого рода детальное описание совершенно не соответствовало бы и нашей задаче – дать отчетливую картину осады. У одних машин рычаги были выше, у других – ниже; были машины с противовесом, подвешенным под рычагом, с другой стороны, были машины и без такого противовеса; у одних противовес был неподвижным, у других – подвижным. Все эти технические особенности устройства вызвали особенные действия машин. Так, например, устройство машин с противовесом было приспособлено исключительно к тому, чтобы сооб-

¹⁰ Катапульта, предназначавшаяся для метания больших стрел, имела вид арбалета; крепкая тетива натягивалась при помощи ворота; стрелу клали на желоб. Ставились катапульти на платформы с колесами. Другая машина древних, баллиста, метала камни. Впоследствии и катапульти стали называться баллистами.

щить возможно большую силу коромыслу, соединенному с приемником для камня, сила эта видоизменялась в зависимости от положения противовеса.

Во всяком случае перед началом враждебных действий необходимо было серьезно остановиться на вопросе, предпочесть ли в данном случае какую-то одну машину или заставить работать машины всех типов. Наиболее точной из машин был изображенный на рисунке *Trabusium*. По выражению средневековых писателей, пользуясь этой машиной, можно было попасть даже в иголку. Правильная установка этой машины требовала немало возни. Если она метала камни вправо или влево от цели, ее было необходимо повернуть по направлению к последней, если она стреляла выше, чем было нужно, ее отодвигали от цели или выбирали для нее более тяжелые камни, если она метала низко, ее придвигали ближе к цели или снабжали более легкими камнями. Таким образом, прежде чем начать пользоваться камнями, их было необходимо взвесить.

Существовали машины, требовавшие меньших затрат времени для приспособления, но они не могли справиться с большими камнями. Камни, употреблявшиеся для стрельбы, были отесаны и имели округлую форму. Для осады Валькенбурга было подвезено 27 телег каменных шаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.